Дерзкие забавы

Автор:
Кристина Лорен

Дерзкие забавы

Кристина Лорен

Дерзкие истории

Что может быть общего у дочери голливудских актеров и простого рыбака из Канады? Наверное, ничего – неудивительно, что их случайный брак, заключенный во время пьяного кутежа в Вегасе, продлился всего двенадцать часов. Им нечего сказать друг другу: Харлоу нацелена построить карьеру в Голливуде, Финн не видел в жизни ничего, кроме рыбы и лодок. Молодые люди находили понимание только в постели.

Все, что было в Вегасе, должно остаться только в Вегасе – тем более что дома у Харлоу серьезные проблемы. Девушка забыла о парнях – а может, ей так казалось до похода в «Старбакс» в родном СанДиего, где она неожиданно встречает Финна. И… в ее жизни все переворачивается с ног на голову. В прямом и переносном смыслах!

Кристина Лорен

Дерзкие забавы

© Christina Lauren, 2014

© Тогобецкая М., перевод, 2019

© ООО «Издательство АСТ», 2019

* * *

Нашим отцам, Пэту и Джеймсу, за то, что поддерживали все наши безумные идеи.

Глава 1

Харлоу

Я ВРЫВАЮСЬ в дверь первого попавшегося «Старбакса» в непонятном районе с надеждой забыть второй худший провал в моей жизни. Тоби Амслер – фантастически привлекательный, сексуальный, к тому же и член команды по водному поло Университета Сан-Диего. В нем есть все, что дает надежду на умопомрачительно веселые ночи мирового уровня.

А в итоге все это оказалось лишь обманчивой рекламой.

Вообще, когда речь заходит о потенциальных любовных делах, то для меня парни обычно делятся на три основные категории: бабники, недоразумения и маменькины сынки. Бабники, по моему опыту, бывают самых разных видов и размеров: это может быть сексуальный рок-звезда, мускулистый хоккеист, иногда даже неотразимый ботаник. В чем их сила в постели? В основном она в грязных словечках и выносливости – и то, и другое мне нравится. Вот только жаль, что не всегда это имеет отношение к мастерству.

Недоразумения – это часто артистические натуры, тихие серферы или чувствительные музыканты. Эти ребята редко понимают, что, мать твою, надо делать, но они по крайней мере готовы стараться часами.

Маменькиного сынка вычислить проще всего. Здесь, в Ла-Хойе, они обычно ездят на мамином подержанном «Лексусе» и держат его в идеальном состоянии. Этот тип снимает ботинки, как только входит в помещение, и всегда смотрит тебе в глаза при разговоре. В постели маменькин сынок обычно имеет мало преимуществ, но по крайней мере они стараются быть аккуратными.

Тоби Амслер оказался редкой комбинацией маменькиного сынка и бабника, что каким-то непостижимым образом сделало его в постели совсем уж никуда не годным. Единственным, что могло усилить неловкость от его оральных ласк с эффектом пылесоса, стало появление его мамы, которая принесла ему чай и чуррос – без стука! – в шесть часов утра. Не самое лучшее начало дня для меня!

Не могу понять, почему меня это удивило. Несмотря на то, во что заставляют женщин верить фильмы и песни о любви, эти ребята совершенно безнадежны во всем, что касается женского оргазма. Они учатся сексу по порнофильмам, цель которых – найти для камеры удачный ракурс, и никого на самом деле не волнует, что там испытывает девушка, потому что она все равно притворится, что все потрясающе круто. Секс – это то, что происходит вблизи, внутри, а не на правильном расстоянии от камеры. А парни, кажется, об этом забывают.

Пульс у меня еще не нормализовался, а пара впереди меня делает заказ со скоростью улитки. Молодой человек желает знать, что хорошего они могут предложить тому, кто не любит кофе.

Мне хочется огрызнуться и ответить: «Ну, наверное, не ходить в кофейню!» Но я не делаю этого и напоминаю себе, что этот конкретный мужчина ни в чем не виноват, что все мужчины не обязаны быть в курсе того, что я разочарована и не удовлетворена.

Клянусь, обычно я не склонна драматизировать. Просто у меня выдалось хреновое утро и мне нужна передышка.

Прикрыв глаза, я делаю глубокий вдох. Ну вот, уже лучше.

Я делаю шаг назад и изучаю витрину с выпечкой, размышляя, что бы выбрать. И тут я замираю, дважды моргаю, а потом сощуриваю глаза и с недоверием смотрю на витрину, вернее – на отражение в ее стекле.

Это же… Да нет!.. Финн Робертс… стоит у меня за спиной?

Наклонившись вперед, я могу лучше разглядеть собственное отражение, и прямо сзади меня… действительно Финн.

Мой мозг немедленно начинает лихорадочно соображать. Почему Финн не в Канаде? Где я? Я вообще проснулась? Может быть, это кошмар с Финном Робертсом, который я вижу на водяной двуспальной кровати Тоби Амслера?

Я пытаюсь убедить себя, что это игра света. Может быть, мой мозг в конце концов закоротило однажды утром, когда я использовала свою левую руку для достижения оргазма, и это, видимо, заставляет меня думать о Финне, так ведь?

Финн Робертс, единственный парень, который не вписался в мою удобную классификацию парней. Финн Робертс, мой официальный экс-муж-на-двенадцать-пьяных-часов-в-Вегасе, который умел пользоваться руками, губами и телом и который заставил меня кончить столько раз, что ему, как он сам говорил мне, показалось, будто я потеряла сознание.

Финн Робертс, который в итоге тоже оказался той еще задницей.

Оптическая иллюзия. Это не может быть он.

Но когда я украдкой смотрю через плечо, то понимаю, что это действительно он. У него на голове синяя моряцкая кепка, надвинутая низко на ореховые глаза, опушенные такими длинными и густыми ресницами, каких я в жизни ни у кого не видела. Одет он в ту же самую зеленую футболку «Хантер» с белым логотипом его семейной компании, в которой он был, когда я заявилась к нему домой месяц назад. Загорелые, мускулистые руки скрещены на широкой груди.

Финн здесь. Черт, Финн здесь. Я закрываю глаза и издаю стон. Мое тело реагирует самым ужасным образом: я немедленно чувствую слабость и жар, позвоночник выгибается, как будто он давит на меня сзади. Я помню тот момент, когда впервые поняла, что мы переспим там, в Вегасе. Пьяная, я посмотрела на него и заявила во всеуслышание: «Пожалуй, я трахну его сегодня вечером». На что он подался вперед и сказал прямо мне в ухо: «Звучит неплохо. Но я больше люблю сам трахать».

И я знаю, что если вдруг сейчас, здесь, услышу его голос – низкий, спокойный, как вода на глубине, слегка хриплый, то в том заведенном состоянии, в котором нахожусь, я, наверное, испытаю оргазм прямо посреди этой кофейни.

Я так и знала, что надо было потерпеть и поехать в «Панникин» за моей обычной утренней дозой кофе.

Я стою молча, считая до десяти.

Одна из моих лучших подруг, Миа, шутит, что я молчу, только когда удивляюсь или бешусь. Так вот сейчас и то и другое.

Худющий бариста, совсем мальчишка, ловит мой взгляд, наклоняясь вперед:

– Не хотите попробовать наш тыквенный пряный мокко?

И я тупо киваю в ответ.

Подождите, что? Нет, это звучит отвратительно! Какая-то часть моего сознания пытается скомандовать рту произнести обычный заказ: большой кофе, черный, с собой. Но я застываю в своем ошеломленном молчании, пока бариста царапает мое имя черным маркером на стаканчике. Словно загипнотизированная, я достаю деньги и снова убираю кошелек в сумочку.

Немного успокоившись, я отворачиваюсь от прилавка и жду свой кофе.
И встречаюсь взглядом с Финном, который улыбается:

– Привет, Рыжая Злючка.

Не поворачиваясь к нему, я изображаю, будто изучаю его через плечо. Он не побрился утром, и темная щетина опасной тенью лежит на подбородке. Шея у него густо загорелая от работы на открытом воздухе все лето. Я позволяю своему взгляду спуститься ниже, потому что – давайте будем реалистами – я была бы просто дурой, если бы не насладилась лицезрением этого мужчины, прежде чем сказать, чтобы он шел трахать самого себя.

Финн сложен как супергерой из любимых комиксов Лолы: эта широкая грудь и узкая талия, мускулистые плечи, крепкие ноги. Он производит впечатление незыблемости, как будто его загорелая кожа сделана из титана. Я хочу сказать: Господи Иисусе, что это мужчина, который работает руками, потеет, когда работает, трахается так, будто это его работа, и которого воспитывал отец, ожидающий помимо всего прочего, что его сыновья будут хорошими рыбаками. Я не могу представить никого из своих знакомых, кто бы ни выглядел рядом с ним мелким и незначительным.

Его улыбка постепенно становится шире, он немного склоняет голову:

– Харлоу?

Хотя его глаза почти не видны в тени кепки, я уверена, что они слегка расширяются, когда я наконец отрываю взгляд от его шеи. И тут я вспоминаю, как его взгляд может цеплять – словно крючок. Я закрываю глаза и встряхиваю головой, пытаясь прийти в себя. Я не против завалиться в обморок, когда ситуация того требует, но ненавижу это состояние, когда оно пытается подменить собой мое праведное, заслуженное негодование.

– Спокойно. Я пытаюсь придумать ответ.

Его брови сходятся у переносицы в смущении… По крайней мере я думаю, что это смущение. Мне кажется, у Финна это выражение означает и нетерпение, и разочарование, и концентрацию. Его точно нельзя назвать открытой книгой.

– Ладно, а?..

Ладно, вот суть проблемы: после нашего матримониального приключения в Вегасе я прилетела к нему. Я появилась в Ванкувере, одетая в плащ на голое тело. Сюрприз! Мы занимались сексом почти десять часов без остановки – диким сексом, громким, сексом-на-всех-поверхностях. А когда я сказала ему, что мне пора в аэропорт, он просто улыбнулся, взял телефон с прикроватной тумбочки и вызвал мне такси, которое приехало и встало на стоянке сразу за новеньким, вишнево-красным «Форд F-150» Финна.

Я пришла к выводу – спокойно, трезво, – что мы друг другу не подходим даже для случайного секса без обязательств время от времени, и закрыла эту тему.

Так почему же тогда я так злюсь, что он здесь?

Бариста предлагает тот же напиток Финну, но тот строит гримасу отвращения на лице, отказывается и заказывает два больших черных кофе.

Это меня еще сильнее злит. Это я должна была бы вести так спокойно и разумно, а не он!

– Какого черта ты делаешь в моей кофейне?

Его глаза расширяются, он беззвучно шевелит губами, словно пытаясь что-то сказать, прежде чем произносит вслух:

– Ты владеешь этим местом?!

– Ты в себе, Финн? Это же «Старбакс»! Я имею в виду, это же мой город.

Он закрывает глаза и смеется, и свет падает на его подбородок… И я точно знаю, какое ощущение от этой щетины чувствовала бы моя кожа … Блин…

Я склоняю голову и смотрю на него:

– Что смешного?

– Просто я ведь реально мысленно допустил, что ты действительно можешь владеть «Старбаксом».

Слегка закатив глаза, я беру свой напиток и выхожу из кофейни.

По пути к машине я вытягиваю шею, распрямляю плечи. Почему же я так раздражена?

Я ведь и не ожидала, что в моем распоряжении будет экипаж, когда неожиданно появилась в его маленьком домике с видом на море. И я уже спала с ним в Вегасе, поэтому понимала, что это отношения без обязательств. И на самом деле я ведь поехала туда потому, что хотела хорошего секса. Или – если совсем

по сути дела – я хотела (нет, мне нужно было) удостовериться, что секс был действительно так хорош, как мне запомнилось.

А он оказался гораздо лучше.

Так что, видимо, это послевкусие от отвратительного секса с Томи Амслером выводит меня из себя. Эта случайная встреча с Финном могла бы пройти совсем по-другому, если бы я только что не вылезла из постели первого парня, с которым переспала после него, – первого, с кем я была за два месяца! – и если бы этот опыт не оказался таким удручающе неудовлетворительным.

За спиной у меня слышатся шаги по асфальту, и я начинаю оборачиваться, но в этот момент чья-то сильная рука обвивается вокруг моего предплечья. Финн хватает меня сильнее, чем, кажется, намеревался, и в результате мой тыквенный жуткий кофе выплескивается на землю, чуть не попав мне на туфли.

Я окидываю его раздраженным взглядом и запускаю пустой стаканчик в мусорку рядом со стоянкой.

– Ох, да ладно, – говорит Финн с легкой улыбкой, протягивая мне один из стаканчиков, который балансирует на крышке другого. – Все равно же ты не собиралась это пить. Ты же даже не притронулась к ванильному сиропу, который есть у меня дома.

Взяв кофе, который он протягивает, я бормочу слова благодарности и отвожу глаза в сторону. Я веду себя как женщина, которой никогда не хотела бы быть, – брошенной, страдающей, обиженной.

– Почему ты злишься? – спрашивает он спокойно.

– Я просто очень занята.

Не обращая внимания на это, он говорит:

– Это из-за того, что ты проделала весь этот путь до Ванкувера, появилась в моем доме в одном плаще на голое тело в середине июля и я трахал тебя до потери сознания?

Ухмылка в его голосе намекает, что вряд ли он действительно думает, будто я могу злиться из-за этого. И он прав.

Я делаю паузу и смотрю на него пристально.

– Ты имеешь в виду тот день, когда ты даже не удосужился одеться, чтобы отвезти меня в аэропорт?

Он моргает, чуть откинув голову назад.

– Я пропустил свою смену, когда ты появилась. Я никогда так не делаю. И я сорвался на работу через минуту после того, как твое такси отъехало.

Это что-то новенькое. Я переступаю с ноги на ногу и смотрю на оживленную улицу у него за спиной, потому что больше не могу смотреть ему в глаза.

– Ты не говорил мне, что тебе нужно на работу.

– Говорил.

Я чувствую, как мой подбородок задирается кверху от злости, когда я снова взглядываю ему в лицо.

– Не говорил.

Он вздыхает, снимает кепку, почесывает свою вечно растрепанную голову, а затем надевает ее обратно.

– Ладно, Харлоу.

– И все-таки что ты здесь делаешь? – спрашиваю я.

И тут все встает на свои места: Ансель приехал в город к Миа и мы все приглашены завтра на торжественное открытие магазина комиксов Оливера, «Даунтаун Граффик». Канадец Финн, парижанин Ансель и сдержанный австралиец Оливер – все «женихи» из Вегаса. Четверо из нас аннулировали брак

сразу после свадебной церемонии, а вот Миа и Ансель решили по-настоящему стать мужем и женой. Лола с Оливером теперь стали друзьями, их связывают любовь к комиксам и графическим романам. Так что нравится нам это или нет, мы с Финном теперь тоже должны стать частью этой разношерстной компании. И нам нужно научиться быть вежливыми друг с другом и общаться, не снимая одежды.

– Точно, – бормочу я. – Открытие же на этой неделе. Ты поэтому здесь.

– Я знаю, что у них не будет «Севентин» и «Космо», но все же тебе тоже стоит зайти и проверить, – говорит он. – Магазинчик неплохо выглядит.

Я подношу стаканчик с кофе к носу и вдыхаю аромат. Черный, без всяких добавок кофе. Идеально.

– Разумеется, я приду. Мне нравятся Оливер и Ансель.

Он вытирает губы ладонью, слегка улыбаясь.

– Итак, ты злишься из-за такси.

– Я не злюсь. Это не размолвка влюбленных, и мы с тобой не ссорились. У меня просто выдалось не самое лучшее утро.

Прищурившись, он оглядывает меня с ног до головы. Он чертовски наблюдателен, и я вспыхиваю, когда замечаю на его лице понимающую улыбку: он вычислил, что я не ночевала дома.

– Волосы твои – это чистое безумие. Но что интересно, ты выглядишь слегка напряженной. Как будто ты не получила того, что тебе было нужно.

– Выкуси.

Финн подходит ближе, склоняет голову набок с раздражающей улыбкой:

– Скажи «пожалуйста», и я выкушу.

Со смехом я отталкиваю его, уперевшись ладонью в эту очень красивую, очень твердую грудь:

– Убирайся.

– Потому что теперь ты этого хочешь?

– Потому что тебе нужно в душ.

– Слушай, – говорит он, посмеиваясь. – Я не стану тебя преследовать, если ты будешь бегать от меня, но нам придется видеться время от времени. Давай попробуем вести себя как взрослые.

Он поворачивается, не дожидаясь моего ответа, и я слышу, как щелкает его брелок, когда он открывает двери машины. Я изображаю дерзкое выражение на лице и показываю средний палец его удаляющейся спине. А потом замираю, потому что сердце у меня выпрыгивает из груди от резкого прилива адреналина.

Финн забирается в тот же самый вишнево-красный грузовичок, который стоял на парковке перед его домом. Только сейчас он покрыт дорожной пылью и грязью, прилипшей к нему за мили и мили дороги.

И у меня рождается вопрос: если он приехал всего на неделю, то зачем он тащил грузовик сюда аж из самого Ванкувера?

У меня не остается времени обдумать это, потому что телефон в моем кармане вибрирует – мама прислала сообщение, и я достаю его и вижу на экране слова: «Не могла бы ты приехать домой прямо сейчас? Пожалуйста!»

Я ВСЕГДА все исправляю.

Когда мне было четыре и я разбила мамины любимые бусы, примеряя их, я провела три часа в своем домике на дереве, пытаясь их склеить. Преуспела я исключительно в склеивании собственных пальцев между собой. В старших классах, когда Миа попала под грузовик и ее почти парализовало, я сидела у ее постели каждый день все лето, которое она провела с ног до головы в гипсе.

Я знала, что если буду сидеть там достаточно долго, то ей что-нибудь наконец понадобится, и тогда я буду готова ей помочь. Я приносила ей диски и дурацкие журналы для подростков, красила ей ногти и протаскивала к ней в комнату очень странные вещи: холодильник для вина, ее бойфренда, Люка, ее кота – только чтобы она улыбнулась. Когда отец Лолы уехал в Афганистан, а потом вернулся оттуда совсем другим, подавленным, а Лолина мама бросила обоих на произвол судьбы, я приносила продукты и еду – все, чтобы хоть как-то облегчить им существование. И когда Ансель оказался достаточно разумным, чтобы попытаться исправить все в их отношениях с Миа, я тоже приложила к этому руку. Если моим друзьям что-то нужно, я это делаю. Если кто-то, кого я люблю, не может решить проблему, то ее решаю я. Не знаю, хорошо это или плохо, но я так живу.

Поэтому я тут же еду домой и сажусь рядом со своей младшей сестрой напротив родителей в нашей светлой, просторной, счастливой семейной гостиной – комнате, которая сейчас, в данный момент, похожа на могилу, – и немедленно включаю сигнал тревоги. В обычные дни наша семья очень шумная, а сейчас в доме непривычно тихо. И я чувствую, что нужно сказать «привет» шепотом. Занавески раздвинуты, но густой туман, который идет со стороны моря, делает помещение мрачным и темным.

Семья для меня всегда была и есть центром моей вселенной. Мама была актрисой, когда они поженились с папой, а папина карьера не особо ладилась, пока я не поступила в старшую школу. Поэтому, когда я была маленькой, мы с папой часто кочевали с мамой с одних съемок на другие, пока не родилась моя сестра, Беллами. Она младше меня на шесть лет, и большую часть времени мы проводили втроем.

Папа очень эмоциональный и отзывчивый, заботливый, он воплощение энергии и страсти. Мама – прекрасная, спокойная движущая сила нашего семейства, она ведет хозяйство, подмигивая из-за широкой спины отца. Но в данный момент она сидит рядом с ним, он сжимает ее ладонь обеими руками, и я вижу, сидя напротив них, с другой стороны кофейного столика, что у нее на лбу выступил пот.

В голове проносится мысль, что они собираются сказать нам, что продают дом (я выставлю пикет на подъездной дорожке и буду стоять там, пока они не передумают!). Потом – что они переезжают в Лос-Анджелес (я буду вне себя). Потом – что у них какие-то проблемы и они должны пожить какое-то время врозь

(этого я даже представить себе не могу!).

– Что случилось? – медленно спрашиваю я.

Мама закрывает глаза, делает глубокий вдох, а затем смотрит прямо на нас и говорит:

– У меня рак груди.

Все слова после этих четырех звучат как-то нечетко и размыто. Но я все же понимаю достаточно, чтобы уяснить: у мамы опухоль примерно три сантиметра в груди, раковые клетки также обнаружили у нее в нескольких лимфатических узлах. Папа нашел опухоль, когда они принимали душ однажды утром. Я испытываю слишком большое облегчение от факта, что он ее нашел, чтобы смутиться при этой информации. И она не хотела говорить нам, пока не разузнала все как следует. Она дала согласие на мастэктомию и последующую химиотерапию, и операция будет в понедельник, то есть через три дня.

Все происходит слишком быстро. Но для такого «спасателя», как я, недостаточно быстро. Я могу засыпать их вопросами, как будто читаю по книге: а вы заручились мнением еще одного врача? сколько времени уйдет на восстановление после операции? как быстро после этого ты сможешь начать химию? какие лекарства тебе будут давать?..

Но я слишком ошеломлена, чтобы понять, будет ли уместно отреагировать на эту новость подобным дождем вопросов.

Когда папа упоминает о том, как он нашел шишку, Беллами взрывается смехом, но тут же срывается в истерические рыдания. Мама говорит как автомат – я вижу такое впервые в жизни! – сообщая детали того, что сказал врач. Папа хранит непривычное молчание.

Какую реакцию можно назвать правильной, когда ты вдруг понимаешь, что центр твоей вселенной смертен?

Мама заканчивает разговор, заявляя, что рассказала нам все, что знает. И что она обещает быть сильной. И что она в полном порядке. А сейчас она хотела бы

прилечь и немного побыть одна. Я же едва могу дышать, а взглянув на лицо отца, понимаю, что ему сейчас еще хуже – гораздо хуже.

Мы с Беллами сидим и смотрим «Улики» почти без звука. Она свернулась калачиком у меня на коленях, а папа исчезает в коридорчике, ведущем в их спальню. На своем телефоне я читаю один за другим сайты с информацией о третьей стадии рака груди, и каждый новый кусочек информации мысленно взвешиваю на весах с шансами моей мамы на выживание. Идут титры, а затем экран становится пустым – и только тогда я понимаю, что фильм закончился.

НО Я НИЧЕГО не могу сейчас сделать. Мама не хочет, чтобы мы что-то делали. Она не хочет, чтобы мы заботились о ней. Она хочет, чтобы мы «жили своей жизнью» и «не позволяли этому монополизировать наши мысли».

Она что, совсем не знает папу и меня?

Спустя всего несколько часов после того, как она рассказала нам о раке, он становится осязаемым, живым, дышащим существом, которое занимает в нашем доме едва ли не больше места, чем мы сами.

Ни о чем другом думать я не могу, не вижу ничего другого, когда смотрю на нее. И поэтому я понятия не имею, что мне делать с самой собой.

– Я думала, сегодня вроде намечалась вечеринка в честь новоселья Лолы, – говорит мама, и я снова возвращаюсь в реальность.

Она выглядит абсолютно нормально, разве что слегка усталой, когда переворачивает жареный сыр и смотрит на меня через плечо. То есть вы понимаете, она готовит нам ужин, как будто сегодня совершенно обычный вечер пятницы, ничего особенного. Я могу поклясться, что мы все трое смотрим сейчас, как она готовит, и боремся с желанием заставить ее сесть, отдохнуть и позволить нам принести ей что-нибудь поесть.

Но она убила бы нас за это.

– Да, так и есть. – Я подкрадываюсь к ней и утаскиваю пару кусочков сыра из миски. – Но я останусь дома.

– Нет, не останешься. – Мама оборачивается и одаривает меня своим лучшим выражением из серии «не спорь-со-мной». – Завтра открывается магазин Оливера.

– Я знаю.

– Ты пойдешь. И проведешь там весь вечер, – вмешивается папа. – Я веду маму в кино, а потом мы придем домой и… – Он исполняет какое-то танцевальное па у нее за спиной. – Ты вряд ли захочешь быть дома во время того, что произойдет дальше.

О господи! Я закрываю руками уши, а Беллами крякает и делает вид, что прячется под кухонный стол.

– Ты выиграл, – говорю я ему, стараясь, чтобы голос звучал беззаботно, чтобы никто не заметил панику, которая рвется из меня наружу.

Я не хочу уходить далеко от мамы:

– Но завтра мы что-нибудь будем делать все вчетвером!

Папа кивает и храбро улыбается мне. Я никогда не видела его таким потерянным.

НА САМОМ ДЕЛЕ, если говорить честно, это хорошо, что я ухожу. Худшее, что мы можем сделать для мамы, – сидеть рядом и наблюдать за каждым ее движением с этим встревоженным, горестным выражением лица. Папа заверил меня, что в течение следующих недель и месяцев я смогу сыграть свою роль. Мне будет чем заняться. Беллами милая, но ей всего восемнадцать, и она ужасно неприспособленная. Любое, даже самое маленькое поручение выбивает ее из колеи. И это, кстати, очень хорошо для ее роли – Постоянный Позитив. Я же та дочь, которая творит всякое дерьмо. И именно я буду той дочерью, которая будет возить маму на обследования, задавать кучу лишних вопросов, заботиться

о ней, когда папе нужно будет работать, и, возможно, сводить ее с ума.

Но в данный момент я чувствую себя ужасно.

И если на свете есть кто-то, кого я хотела бы сегодня видеть, кроме членов моей семьи, то это мои девочки.

Новая квартира Лолы – это огромный шаг вперед по сравнению с общежитием. Я надеялась, что она переедет ко мне, когда мы закончим колледж, но она решила поселиться в центре, и каждый раз, когда я ее навещаю, я понимаю, что нельзя ее в этом упрекнуть. Квартира находится к северу от квартала Газовых фонарей в новом, с огромными окнами высотном доме с видом на гавань и всего в паре кварталов от Донат Бара. Счастливица.

– Харлоу-у-у! – мое имя разносится по большой гостиной, и я быстро оказываюсь в объятиях четырех рук.

Две руки принадлежат Лоле, а еще две – Лондон, новой соседке Лолы и самой симпатичной девочке в Америке, какую только можно себе представить: песочного цвета волосы, веснушки, ямочки и постоянная улыбка. Она успешно дополняет свой образ очками девочки-заучки и дикой одеждой: сегодня, например, она одета в синюю футболку «Тардис», желто-зеленую юбку в горошек и гольфы в черно-белую полоску. По сравнению с черным платьем Лолы в стиле ретро и этой гламурной Бетти Пейдж мы, все остальные, выглядим трагически немодными.

– Привет, Лола-Лондон. – Я прижимаюсь щекой к щеке Лолы. Мне это было нужно.

Голос Лолы слегка приглушен моими волосами:

– Звучит как имя стриптизерши.

Лондон смеется, выбираясь из нашего треугольника.

– Или название коктейля?

– Один «Лола-Лондон» со льдом, – говорю я.

– Что ж, – отвечает Лондон, показывая на холодильник в кухне. – Мы можем попытаться сегодня его изобрести. Клянусь, я купила все: и миксеры, и выпивку, и пиво, и орешки, и…

Она прикрывает глаза, поднимает правую руку в рокерском приветствии и вопит:

– Чипсы-ы-ы!

Затем разворачивается и бежит открывать дверь, и я одобрительно киваю Лоле:

– Мне нравится эта девчонка!

– Кое-кто сказал мне, что в этом доме вечеринка!

Я поворачиваюсь на голос Анселя – низкий, с акцентом, и все остальные звуки в квартире тонут под громом аплодисментов и смеха, которые вызывают его появление. На голове у него сомбреро, поля которой заполнены кукурузными чипсами, потому что он очаровательный идиот.

Миа отрывается от него, идет ко мне и обнимает меня за плечи:

– Ты как?

Я позвонила Лоле и Миа раньше, рассказала им наши шокирующие новости, а они достаточно хорошо меня знают, чтобы оценить масштабы моей паники.

Я моргаю, получая удовольствие от восхитительного зрелища, которое представляет собой Ансель, исполняющий довольно странные телодвижения, напоминающие танец тореадора.

– Эх, сама понимаешь.

Она делает шаг назад и внимательно изучает мое лицо, пока не решает, видимо, что я здесь для того, чтобы отвлечься, а не чтобы обсуждать здоровье моей мамы. Мы все смотрим, как Ансель угощает чипсами из сомбреро всех желающих. Серьезно, его внутренний ребенок жив и довольно активен.

Я рисую круг в воздухе вокруг своей головы.

– Что это за?..

– Понятия не имею, – перебивает меня Миа. – Они с Финном ушли за пивом, и вернулся он вот с этим. Он ее не снимает уже несколько часов, но наполнял уже три раза. Держите себя в руках, дамы, он мой.

Она наклоняется, чтобы достать пиво из холодильника, а я, услышав имя Финна, тут же замечаю его в комнате. Он, видимо, пришел вместе с Анселем и Миа. Мой желудок совершает неприятный кульбит, когда Финн смеется над какими-то словами Анселя и поднимает руку, чтобы поправить бейсболку. Его бицепс напрягается, и в животе у меня начинает пылать огонь. Я выпиваю залпом половину своего пива, чтобы его погасить, представляя себе, как оно с шипением льется на воображаемое пламя внутри меня.

– Я не знала, что Финн придет сегодня.

Ну а что я думала? Что они его оставят дома одного? Просто Финн представляет собой еще одно осложнение для меня, и мой уже перегруженный мозг не может справиться с этим сразу.

Миа откручивает крышку на пиве и смотрит на меня с легкой улыбкой во взгляде:

– Все нормально?

Вежливо. Мы тут все одна команда, напоминаю я себе.

– Ты же знаешь, что все отлично.

– Пока он не пытается говорить, да?

Смеясь, я киваю.

– Точно.

Лола гладит меня по спине, а затем склоняет голову, показывая, что хочет присоединиться к людям, которые собираются играть в карты.

– Тебе тут хорошо?

– Ага, – отвечаю я. – Я, наверное, просто постою и посмотрю на то, какие вы, ребята, классные.

Убедившись, что я не нуждаюсь в компании, Миа идет за ней, а я остаюсь одна в залитой светом кухне, глядя на маленькую группку вокруг обеденного стола. Ансель слюнявит большой палец и начинает раздавать карты, отправляя каждую точным движением очередному игроку. Я чувствую себя немного потерянной, как будто меня не должно быть здесь, но и домой мне идти нельзя. Мне слишком тесно в самой себе, слишком душно в этой квартире.

Какая-то тень мелькает мимо меня, и, повернувшись, я вижу парня с обесцвеченным ирокезом, который наклоняется к холодильнику и вытаскивает оттуда банку.

– Интересный выбор, – говорю я. – «Страстный пунш»?

Он поворачивается и смеется, кивая в знак согласия. Он хорош, даже почти сексуален, но его улыбка обнажает полный рот слишком ровных, белоснежных зубов – мальчик-хиппи из Ла-Хойи. Ну разумеется.

– Ты когда-нибудь пробовала его? Он на вкус как сок!

Дешевый коктейль ему кажется открытием, забавной новинкой?

Определенно, это мальчик-хиппи из Ла-Хойи.

– Я Харлоу, – говорю я, протягивая руку. – И если ты хочешь сока, почему бы тебе просто не выпить сока?

Он трясет банку.

– Немного сложновато опьянеть от сока, – отвечает он, а потом прижимает банку к груди и добавляет: – Не-Джо.

– Не… что?

– Нет. Не-Джо. Оливер, мой новый босс, называет меня Джоуи. Думаю, издевается надо мной, как над кенгуру, потому что он же австралиец. Но это не мое имя.

Я жду, что он назовет свое настоящее имя, ведь он же наверняка собирается работать у Оливера довольно долго и вряд ли захочет оставаться Не-Джо на протяжении многих месяцев. Но он не называет.

– Значит, ты будешь Не-Джо?

– Ага!

– Все время?

– Ага.

– Что ж, тогда приятно познакомиться.

Несмотря на тот факт, что, кажется, мозг Не-Джо уступает размерами мозгу беспозвоночных, я разглядываю его и ловлю себя на мысли, что он мне даже нравится. На нем пляжные шорты и футболка, и он явно доволен тем, что находится здесь и сейчас и делает то, что делает.

– Значит, ты собираешься работать в этом магазине?

Когда он кивает, одним глотком выпивая полбанки своего напитка, я добавляю:

– Завтра для вас, ребята, важный день.

– Все будет хорошо. Оливер – лучший босс. Ну то есть я хочу сказать, будет лучшим боссом. Он такой… расслабленный.

Я бросаю взгляд через комнату туда, где Оливер с таким вниманием смотрит в свои карты и так крепко держит их в руке, что я опасаюсь, как бы они не воспламенились. В отличие от Финна, который не особо беспокоится о своем внешнем виде, но все же зарабатывает очки в свою пользу короткой стрижкой и обычно гладковыбритым лицом, Оливер привлекателен сам по себе, без всяких усилий. Я пока не решила, так ли он рассеян на самом деле, как кажется, но я точно знаю, что он очень дельный парень, а учитывая, что ему всего тридцать, а он открывает свой собственный магазин комиксов в самом крутом районе Сан-Диего, не думаю, что действительно такой уж расслабленный, как надеется Не-Джо.

Я снова перевожу взгляд на мальчика-хиппи:

– И что ты будешь там делать?

– Продавать комиксы и все такое.

Я смеюсь. Этот парень без тормозов довольно забавный, интересно на него посмотреть в деле.

– А, то есть ты имеешь в виду – работать на переднем фронте?

– Ага. Работать на переднем фронте. А иногда на заднем. – Он смеется собственной шутке.

– На-кас-се, – поет он.

– Сколько в тебе дури, Не-Джо, а?

Он замирает и, похоже, мысленно пытается подсчитать.

– Прилично.

– Хочешь виски?

Потому что на самом деле у меня никогда не будет секса с Не-Джо, но второе, что я больше всего люблю делать с парнями, – это смотреть, как они напиваются.

Мы наливаем несколько стопок и ставим их на стойку, когда я вижу, как Финн встает из-за стола. Он бросает карты на стол, видимо проиграв, судя по тому, как он снимает свою кепку, чешет голову той же рукой, а затем снова напяливает ее обратно. Меня бесит то, что это движение кажется мне таким сексуальным.

Когда он поднимает голову и видит на кухне меня с Не-Джо, он сощуривает глаза, а потом идет к нам.

– О, черт, – бормочу я себе под нос.

– Этот Халк – твой? – спрашивает Не-Джо, склонив голову.

– Ни капельки.

– Да ладно. Ты посмотри на это напряжение в его взгляде. – Он начинает пьяно шептать: – Как будто лев подкрадывается. – Он слегка вздрагивает, чуть трезвея, и пищит: – Пойду-ка я к маленьким мальчикам в комнату!

– Спасибо, – ворчу я в его удаляющуюся спину, а Финн протискивается между мной и столом, упираясь в него бедром.

Сегодня я лишена своего обычного оружия – своего энтузиазма, уверенности и легкости, которые мне дает знание, что в жизни тех, кого я люблю, все в порядке. Тихий сигнал тревоги у меня в голове напоминает, что разговор с Финном сегодня вечером, может быть, плохая идея. Мы в результате либо подеремся, либо будем трахаться: Финна сложно заподозрить в способности к сочувствию или нежности. Но я решаю не отступать и чувствую тепло, которое исходит от его груди. Его кепка сползает ему почти на глаза, поэтому мне приходится ориентироваться на его рот, чтобы угадать настроение. Навскидку кажется, что он то ли скучает, то ли сердится, то ли задумчив, то ли хочет спать.

– Круто встретить тебя здесь.

– Финн… – отвечаю я с едва заметным кивком.

В углу его рта зарождается улыбка, искривляя его губы. Черт побери его и его удивительно привлекательную улыбку.

– Харлоу.

Я обнаруживаю, что закусываю нижнюю губу, разглядывая его.

Светская болтовня тут не сработает, но я не совсем уверена, что в состоянии противостоять его грубости сегодня, когда чувствую себя такой издерганной. Финн не вписывается ни в одну из моих обычных классификаций парней, и, возможно, в этом содержится некий вызов.

Его трудно прочитать, зато на него легко смотреть, и не важно, насколько это плохая идея, но не подпустить его близко решительно невозможно.

Драться или трахаться?

И та и другая возможность начинают казаться мне одинаково привлекательными.

Глава 2

Финн

НЕ ПОМНЮ, КОГДА я последний раз бывал на домашней вечеринке в окружении толпы несносных двадцатилетних юнцов разной степени опьянения. Я вообще не тусовщик, но согласился прийти, потому что Ансель в городе, а последний раз мы виделись все вместе в Вегасе, когда наше веселое воссоединение закончилось матримониальным хаосом. Но сегодняшний вечер я заканчиваю среди почти детей, с пивной кружкой в руке, слегка навеселе впервые за

несколько месяцев и стоя так близко от Харлоу Вега, что могу ее коснуться.

Меня не удивляет ни то, что мы стоим так близко, ни то, что мне на самом деле нравится прикасаться к ней.

Меня удивляет то, что Харлоу одна, что она отделилась от остальной компании и болтает на кухне с наркоманом – работником Оливера. Несмотря на нашу свадьбу в Вегасе и Ванкуверский фестиваль секса, нельзя сказать, что я знаю о ней много. Но мне знаком такой типаж девушек: если на вечеринке есть стол, то они либо стучат по нему стаканами, либо лежат на нем, либо танцуют там же.

– Почему ты здесь, а не шлепаешь вместе со всеми картами в покер?

Харлоу пожимает плечами, кладет мне руки на талию, чтобы отодвинуть меня в сторону и открыть шкафчик наверху.

– Я сегодня немного расстроена. – Она хмурится, глядя на переполненный шкафчик. – И почему здесь такой бардак, господи?

– Ты хочешь навести порядок у них на кухне? – спрашиваю я, улыбаясь звякающим звукам, с которыми она двигает стаканы. – В разгар вечеринки?

– Может быть.

Ее лицо обрамляют темно-каштановые волосы, которые она заправляет за ухо, когда тянется к верхней полке, выгнув свою длинную шею. Я тут же начинаю думать о том, чтобы оставить маленькие засосы на ее коже от уха к ключице.

– Утром ты была очень занята, – говорю я, не сводя глаз с ее обнаженных плеч. – Вечером расстроена.

Она достает два чистых бокала и, повернувшись, смотрит на меня в упор. И я сразу вспоминаю огонь этих ее удивительных гипнотических глаз – скорее янтарного цвета, чем карих, – и страсть ее полных, соблазнительных губ. Открутив крышку с бутылки довольно дорогой текилы, Харлоу, примерившись, наполняет оба бокала до краев.

– Что ж, должен сказать, что Не-Джо очень старается, чтобы ты не расстраивалась, – говорю я. – Но я бы на твоем месте притормозил и не стал бы выпивать с парнем, который проколол себе пенис.

Честно говоря, когда Оливер рассказывал мне эту историю, я чуть не подавился своим сандвичем.

Харлоу протягивает мне бокал, но ее рука замирает в воздухе:

– Он… что?

– Дважды. Одно на кончике, а другое у корня.

Она моргает.

Я немного наклоняюсь, и то, как она смотрит на мой рот, вызывает у меня мурашки на коже.

– По утверждению Оливера, всякое бывает, когда Не-Джо напивается.

Она отрывает взгляд от моего рта и смотрит мне за спину, задрав подбородок, чтобы видеть стол в дальнем углу комнаты, где все еще играют в карты.

– А ты предлагаешь мне пойти поиграть в карты с людьми, которые употребляют «Кламато»[1 - «Кламато», или «Цезарь», или «Кровавый Цезарь» – канадский алкогольный коктейль, обычно содержащий водку и цезарный микс. Главное отличие от «Кровавой Мэри» – наличие моллюскового сока.] в качестве штрафной?

– Это еще не самое худшее, – говорю я с гримасой отвращения. – На самом деле это «Будвайзер» с «Кламато» – называется челада, и сейчас оно к тому же уже теплое.

Она делает то же самое лицо, что и тогда, когда бариста предложил ей тыквенный пряный кофе утром, – чистый и абсолютный ужас, – и она его заказала.

– А кто-то действительно это смешал? И есть люди, которые это пьют и им нравится?

Я смеюсь:

– Знаешь, при всем моем здравом смысле я нахожу по-настоящему забавным, когда ты ведешь себя как примадонна.

Склонив голову набок и глядя на меня с недоверием, она спрашивает:

– То есть то, что я отказываюсь от «Будвайзера», смешанного с томатным соком и соком моллюсков, делает меня примадонной?

Очевидно, я достаточно пьян, потому что пою несколько строчек песни единственной примадонны, которую могу вспомнить на данный момент: «Я всегда буду любить тебя». А потом поднимаю свой бокал и снова опускаю его.

Харлоу смотрит на меня так, как будто я спятил, но, клянусь, ей весело. В глазах появляется улыбка, хотя брови по-прежнему строго сведены на переносице:

– Ты не сможешь петь, чтобы спасти свою жизнь.

Вытирая рот ладонью, я говорю:

– Ничего. Ты еще не слышала, как я играю на пианино.

Она прищуривается еще сильнее:

– Ты что, процитировал только что «Смитов»?[2 - «Смиты» – сериал 2013 года.]

– Я удивлен, что ты это заметила. Это же не цитата из песни Пи Дидди.

Она хохочет:

– У тебя какое-то просто фантастическое представление обо мне.

– Так и есть. – Текила попадает мне в кровь, и я чувствую, как тепло разливается по груди.

Наклоняюсь поближе, так, что могу почувствовать ее запах. Она всегда пахнет чем-то теплым, немного землистым и сладким. Как будто пляжем, и кремом для загара, и жимолостью… Я сказал Харлоу кучу слов, не связанных с сексом, за последние пять минут – больше, чем за все время, которое она провела в Канаде, и удивляюсь, потому что, оказывается, с ней не только легко разговаривать – с ней разговаривать приятно.

– И мое представление о тебе все время меняется – теперь, когда ты не просто симпатичная мордашка у меня на коленях.

– Ты потрясающий ублюдок, Финн.

– Этот разговор творит чудеса в плане расширения наших горизонтов.

Она берет свой стакан, выпивает и морщится, а потом произносит:

– Не забегай вперед, Солнышко. Мне нравится наша договоренность.

– А у нас есть договоренность?

Кивнув, она наливает нам еще по порции.

– Мы с тобой либо подеремся, либо будем трахаться. Мне кажется, я предпочитаю ту часть, где про трах.

– Что ж, тогда я вынужден согласиться.

Когда она протягивает мне следующий стакан вдобавок к трем пива, которые я употребил с Анселем, я спрашиваю:

– А почему ты все-таки приехала ко мне? У меня не было возможности спросить тебя об этом, потому что ты все время сидела у меня на лице. Твой визит был… неожиданным.

– Но ведь потрясающим? – спрашивает она, поднимая брови, как будто понимает, что я не смогу это отрицать.

– Конечно.

Она облизывает тыльную сторону ладони, сыплет туда соль еще раз и смотрит на нее, задумавшись:

– Честно? Полагаю, я не была уверена, что могу доверять своим воспоминаниям из Вегаса.

– Ты хочешь сказать, что твои воспоминания о том сексе были слишком хороши?

– Ага.

– Но так и было, – заверяю я ее.

– Теперь я это знаю. – Она слизывает соль, выпивает и, схватив дольку лимона со стола, высасывает ее, что-то бормоча влажными губами и морщась. – Жаль, что мужчина, который прилагается к этому пенису, такой выдающийся лузер.

Я сочувственно киваю:

– Точно.

– Ты смешной, – она слегка подалась назад, как будто только сейчас меня по-настоящему разглядела. – Ты смешной, и с тобой как-то неожиданно легко.

– Ты просто пьяная.

Она щелкает пальцами у меня перед лицом.

– Очень может быть. Наверное, текила во мне делает тебя забавным.

Я смеюсь, вытирая рот ладонью.

– Кажется, у тебя настроение улучшилось, – говорю я.

– Просто есть кое-какие обстоятельства, и я стараюсь об этом не думать. И между прочим, – она поднимает свой пустой бокал, – вот это очень помогает.

– И сколько ты уже выпила?

– Достаточно для того, чтобы я перестала беспокоиться слишком сильно, но не так много, чтобы я перестала беспокоиться совсем.

Этот ответ кажется слегка мрачноватым для той, кого я считал легкомысленной, сексуальной и беззаботной. Хотя на самом деле я ведь не так много знаю о жизни Харлоу. Я знаю, что она симпатичная маленькая богатая девочка и что, скорее всего, у ее дверей толпится целая куча богатеньких мальчиков. Я знаю, что она верный друг для Лолы и Миа, что она, видимо, из тех, кто бросается на помощь любому живому существу, что она была движущей силой воссоединения Анселя и Миа. Но кроме этого – ничего, а это совсем не много. Я даже не знаю, кем она работает… и работает ли вообще?

– Хочешь о чем-нибудь поговорить? – предлагаю я без особого энтузиазма.

– Нет, – говорит она и наполняет очередной бокал.

В кармане у меня вибрирует телефон, и теплое, пьяное ощущение покоя тут же сменяется страхом. Не глядя на экран, я знаю, что пришло сообщение, которого я ждал.

Дома мой младший брат Леви сейчас проводит тщательный осмотр и испытания нашего самого большого корабля «Линды», который получил свое имя в честь нашей матери, и судя по тому, как развивались события, я готов спорить, что новости не будут хорошими.

Короткое замыкание в рулевой рубке, ни одна из панелей не работает.

Черт. Хотя существует миллион ругательств, который я хотел бы сейчас написать в ответ, я не спешу отвечать. Вместо этого я сую телефон в карман, наливаю себе текилу и выпиваю. Это помогает.

– Ты в порядке? – спрашивает Харлоу, глядя на меня.

Я стискиваю зубы, чувствуя, как огонь обжигает мне глотку, а потом разливается теплом по телу, опускаясь в желудок.

– Просто немного расстроился.

– Что ж, тогда еще по одной! – Она разливает еще две порции и протягивает одну мне.

Я понимаю, что на самом деле это не поможет. И завтра утром я буду мучиться от похмелья, а может быть, уже и сегодня, чуть попозже, и панели на корабле по-прежнему не будут работать, и все наши гребаные средства к существованию будут в такой же опасности, как и сейчас. Но черт… я действительно хочу забыть обо всем этом хотя бы ненадолго.

Я поднимаю бокал, глядя на прозрачную жидкость, потом наклоняюсь к Харлоу, мои губы почти касаются ее уха:

– Думаю, мы оба помним, что в последний раз, когда мы пили текилу вместе, все кончилось не слишком хорошо.

– Точно. – Она немного отклоняется назад, чтобы посмотреть мне в глаза. – Но здесь поблизости нет часовни, которая работает двадцать четыре часа в сутки и в которой какой-нибудь безумный идиот мог бы поженить нас, так что, я думаю, нам ничего не угрожает.

Вопрос решен.

Харлоу ставит со стуком стакан и морщится:

– О-о-о… не думаю, что могу выпить еще. – Она поднимает руки вверх, делая вид, что считает до тридцати, а затем улыбается. – Еще один, и я упаду лицом в миску с этими чипсами Лондон, которыми она так восхищалась.

Она, может, и сбилась со счета, а я вот нет. Четыре порции за время моего пребывания на кухне с Харлоу и, если не считать Вегаса, я пьян впервые за

несколько лет.

Проходит, наверное, уже больше часа, когда наконец возвращается Не-Джо, пахнущий травой. На входе он протягивает мне руку и очень медленно произносит:

– Я Не-Джо. Приятно познакомиться…

Смеясь, я напоминаю ему:

– Да мы уже встречались в магазине, когда Оливер проводил последнюю проверку перед открытием.

Не-Джо издает тихий кудахтающий звук:

– Так вот почему ты мне показался знакомым.

Это было три часа назад. Этот парень, должно быть, не выпускает косяк изо рта.

– Ты же лесоруб из Новой Шотландии, да? – спрашивает он.

– Вообще-то рыбак из Ванкувера.

Харлоу взрывается смехом.

– Бедный Финн!

Он переводит взгляд с меня на Харлоу и обратно.

– Так вы, ребята, тоже познакомились через Оливера, да? – интересуется он.

– Не совсем, – отвечает Харлоу и смотрит на меня с глуповатой улыбкой. – Финн – мой бывший муж.

Глаза Не-Джо становятся круглыми, как блюдца.

– Бывший муж?!

Кивнув, я подтверждаю:

– Это правда.

Парень изучающе посмотрел на Харлоу. Он оглядывает ее с ног до головы так, что мне хочется двинуть ему по морде, чтобы он опомнился и перестал на нее пялиться.

– Ты выглядишь недостаточно старой для разведенки, – наконец заключает он.

Я выступаю вперед, чтобы отвлечь его внимание от ее груди:

– А я? Достаточно?

Теперь он смотрит на меня, но куда с меньшим интересом:

– Ага, действительно. Ты же старше ее, да?

– Да, – говорю я и смеюсь, а Харлоу радостно хихикает мне в ответ. – Спасибо.

Не-Джо сует руку в корзинку с чипсами на столе и спрашивает:

– Наверное, неловко тусить на вечеринке со своим бывшим?

Она машет рукой:

– Неа. Финн – очень добродушный парень.

– Вот как? – удивляюсь я, и это вызывает у меня смех, потому что меня можно описать почти любым словом, но только не «добродушный».

Добродушный – это про Анселя. А меня часто называют замкнутым. И я действительно иногда бываю закрытым. Я точно не добродушный.

Кивнув, она изучает меня пару секунд, а потом говорит:

– Ага. Ты любишь долгие прогулки по пристани, во время которых мечтаешь о том, как увеличить ваши уловы, а вечера проводишь в местном баре, обсуждая порнуху.

Я разражаюсь смехом:

– Да? Ух!

Ее губы складываются в милую задумчивую полуулыбку:

– Хм-м-м.

– Что ж, – произношу я. – Тогда, что касается тебя, все очень просто. Ты девушка, которая любит веселиться, любит шопинг, лак для ногтей и…

Я делаю вид, что задумываюсь, перед тем как повторить:

– Шопинг.

Она треплет меня рукой по щеке с выражением притворного восторга на лице:

– Мне нравится, как хорошо мы друг друга знаем!

– Мне тоже.

Мы одновременно поднимаем наши пустые стаканы и чокаемся.

– А почему вы, ребята, развелись? – спрашивает Не-Джо. – Вы, кажется, друг другу нравитесь.

– Нравимся? – Я не отрываю взгляда от Харлоу. Я как-то до этого вечера не думал, что она мне нравится.

Она наконец отводит глаза и смотрит на Не-Джо:

– На самом деле мы были женаты всего одну ночь и полдня в Вегасе. Мы провели вместе от силы двадцать четыре часа в общей сложности, и большую часть этого времени – пьяные или голые.

– Или и то, и другое, – добавляю я.

– Серьезно? – Мы оба киваем. – Это нехорошо.

– Так и было, поверь мне, – соглашается она, а затем делает вид, что сердится на меня: – Очень нехорошо.

Я смотрю, как она облизывает губы, и меня как током ударяет, причем заряд идет от моей кожи прямо в член. На самом деле я достаточно пьян, чтобы предложить ей заново познакомить свой язычок с моим членом.

– Я думаю, есть вещи, которые каждый должен сделать в жизни хоть раз, – провозглашает Не-Джо, отвлекая мое внимания от губ Харлоу, которые теперь улыбаются. – Каждый должен пробежать марафон, прочитать «Кандида» и пожениться в Вегасе.

Харлоу смеется и начинает объяснять ему, что это чертовски дорого и очень неудобно. Мы вполне могли бы потрахаться и расстаться совершенно бесплатно. Пока она рассказывает Не-Джо о наших приключениях в Вегасе, я решаю пойти немножко проветриться.

За пределами кухни бушует шумная и пьяная вечеринка. Лондон громко распевает песни за покерным столом, Миа играет в карты, сидя у Анселя на коленях и надев его сомбреро. Лола и Оливер единственные, кто выглядит серьезно и сосредоточенно, и я смеюсь, глядя на них, несколько секунд.

Оливер очень серьезно относится к игре в карты, а теперь я вижу столь же решительное выражение лица у Лолы. Остальные за столом ударились в безбашенное веселье, но эти двое, кажется, не оставляют попыток сделать игру все же организованной. Но это все равно что пытаться обвязать веревочкой дождь.

Когда я подхожу к ванной, Харлоу уже там, ждет своей очереди. Она проскальзывает мимо меня с дерзкой улыбкой, а когда я поворачиваюсь, чтобы сделать что-то – черт, я даже не знаю, пошутить, посмотреть на нее, поцеловать ее, – она закрывает дверь перед моим лицом.

Я уже и забыл, как при опьянении все вокруг становится расплывчатым, нечетким. Это дает ощущение свободы, но где-то на краю сознания горит красная тревожная кнопка: опасность… опасность…

Глядя в глубь коридора, я решаю, куда вернуться – к покерному столу или на кухню, но мои ноги будто приросли к полу, и сколько бы я ни думал о том, как весело было бы сыграть сейчас с Анселем и Оливером в карты, я не двигаюсь с места.

Харлоу открывает дверь ванной и видит меня около стены напротив. И она не выглядит удивленной – ни капельки. Она стоит в дверном проеме, глядя на меня, а потом делает пару шагов навстречу.

Она просто смотрит на меня, и это так чертовски ново. Она как будто совсем другая женщина сейчас – не та сумасшедшая девчонка с вечеринки в Вегасе и не та ненасытная стерва, которая чуть не выломала мою входную дверь. Эта Харлоу кажется спокойной, соблазнительной и чертовски привлекательной. В ее пристальном взгляде я вижу нечто, чего не видел раньше, – какую-то глубину, которую она обычно прячет, как будто сегодня вечером какая-то преграда была сломана. Причина не в алкоголе – ведь я уже видел ее пьяной. И не в том, что она хочет секса – мы уже делали это раньше.

Чем дольше Харлоу смотрит на меня, тем сильнее я чувствую, будто в груди у меня не сердце, а надувной плот, который она медленно наполняет воздухом. Моя грудь становится все шире, и шире, и шире.

Я замечаю, что она нанесла новый слой блеска для губ в ванной, и ее губы поблескивают алым, когда она слегка улыбается:

– Так мы собираемся драться?

Это выводит меня из моего транса, и я беру ее за руку и притягиваю к себе, а потом веду ее в спальню, которая находится слева от меня. Комната пустая,

если не считать кучи постельного белья, низкого комода и нескольких коробок в углу.

– Кто, черт побери, оставляет пустые комнаты в таких квартирах? – спрашиваю я, оглядывая помещение с огромными окнами во всю стену.

В этой квартире три спальни, и она раза в два больше моего дома в Ванкувере. Из окна открывается захватывающий вид на гавань, а вдалеке виднеется, по моим прикидкам, Коронадо.

– Это комната Руби, – отвечает Харлоу, вставая у стены справа от меня. – Лондон унаследовала эту квартиру несколько лет назад. Руби уехала всего пару недель назад – сразу после того, как въехала Лола. Она отправилась на какую-то потрясающую стажировку в Лондон.

Я оборачиваюсь к ней, запутавшись. Наверное, потому, что я пьян:

– Руби… и Лондон?

– Руби отправилась в Лондон, в Англию, – говорит она более медленно. – И да, я понимаю. Ее соседкой была Лондон, и она уехала в Лондон.

Шуткам не было конца, как будто здесь были Эббот и Костелло. Она отрывается от стены и делает несколько шагов ко мне, глядя на воду за окном.

– Они ищут новую соседку, так что если ты знаешь кого-нибудь, кто хочет сбежать от репрессивного режима в Канаде…

– А ты не хочешь сюда переехать? – перебиваю я ее.

– Я люблю свой дом. Мне нравится жить одной.

Я киваю. Я тоже люблю жить один. Мой родной город не такой большой, как этот, – иногда мне нравится представлять, что я могу закрыть дверь и скрыться от всех.

Но даже тысячи километров расстояния не помогают мне по-настоящему отгородить мои мысли от того дерьма, которое происходит сейчас дома. Телефон тяжелым грузом оттягивает мне карман, и я вынимаю его, чтобы положить на плоскую поверхность одной из коробок. Харлоу смотрит, как я это делаю, а затем делает то же самое: вытягивает телефон из кармана своей джинсовой юбки с рваными краями и кладет его вниз экраном рядом с моим.

Я делаю шаг вперед, и она поворачивается лицом ко мне, закрывая глаза, когда я провожу рукой по ее шее и запускаю ее ей в волосы:

– Черт возьми, ты пахнешь как мечта.

– Да?

Я киваю, но она этого не видит, ее глаза по-прежнему закрыты.

– Дай мне твои трусики.

Никакого притворства, никакой прелюдии, и она даже не вздрагивает.

Мои тревоги сейчас надежно спрятаны на коробке в четырех футах от меня, и передо мной нежная, теплая девушка, способная сделать так, чтобы все остальное исчезло. Бросив короткий взгляд на мое лицо, она забирается себе под юбку и снимает трусики, протягивая мне крошечное голубое облачко из кружев. Я сую их в карман, а затем наклоняюсь и целую ее.

И это тоже новое. Это приятнее и откровеннее, чем дикие, страстные, жестокие поцелуи, которыми мы обменивались до этого. Я целую ее один раз, буквально только касаясь губами, и потом снова, постанывая, когда ее руки скользят по моей груди и обвиваются вокруг моей шеи. Ее губы отвечают моим в своем, легком, ритме – никакого сопротивления, никакой неуверенности, только Харлоу, только ее пухлая нижняя губа, легкие прикосновения ее языка, ее прерывистое дыхание.

Я чувствую привкус ее вишневого блеска для губ, привкус текилы, которую мы пили на кухне. Она не пьяная вдрызг, но щеки у нее горят от алкоголя, тело расслабленное и пластичное. Я уверен, что могу гнуть ее, как захочу. Могу

сейчас распластать ее на полу, закинуть ее ноги себе на плечи и трахать так, что в гостиной будет слышно, как моя кожа соприкасается с ее.

– Ты иногда думаешь обо мне? – спрашиваю я, целуя ее шею, стягивая бретельку с ее плеча и исследуя губами и зубами ее кожу.

– Да.

– Расскажи.

– Это моя фантазия, когда я удовлетворяю сама себя, – признает она без всякого стеснения.

– То есть ты думаешь обо мне пять раз в день?

Харлоу смеется, и этот смех слегка напоминает икоту, когда я задираю ей юбку и сажаю ее на комод, раздвинув ей ноги и шагнув вперед. Я уже готов, и ощущение жара от ее киски около моего члена, обтянутого джинсами, такое сильное, что я, подавшись вперед бедрами, начинаю шипеть ей в рот.

Она прижимается ко мне, и я опускаю руку между нами, стараясь добраться до ее нежной, скользкой плоти между бедер.

Черт, она часто дышит и дрожит под моими руками, а я так возбужден, что с трудом удерживаюсь от того, чтобы не расстегнуть немедленно ширинку, выпустив на свободу член, и не начать тереться об нее.

Но вместо этого я провожу пальцами по ее невероятно нежной плоти. Она единственная женщина, которая была у меня за долгое время. Мне трудно заставить себя не думать о том, что я инстинктивно будто присваиваю ее, когда целую ее шею, губы, плечи. Легко представить себе, что все остальное за пределами этой комнаты исчезло или по крайней мере поставлено на паузу, и облегчение – пусть даже и воображаемое – вызывает дрожь, пробегающую по моему позвоночнику, напряженному у основания. Я сильно возбуждаюсь от этой девушки, она волнует меня так, как никто и ничто раньше. Клянусь, я все еще, даже спустя два месяца, чувствую отзвуки того ощущения, когда ее губы целовали мой член, а руки направляли меня внутрь нее.

– Ты хоть представляешь, как это на меня действует? – Я отступаю немного, чтобы видеть, как мои пальцы скользят вверх и вокруг ее клитора и потом назад, вниз, внутрь.

Мне чертовски нравится, как они выглядят, когда становятся мокрыми от ее сока.

– Господи, когда твоя киска стала такой сладкой? – Я смотрю на ее опущенные глаза, она, сильно закусив нижнюю губу, не отрываясь, смотрит, как я ласкаю ее.

Меня обжигает вдруг внезапная догадка, причиняя мне физическую боль:

– Ты позволила этому долбаному мальчишке лизать тебя прошлой ночью?

Она закрывает глаза, прижимается к моей руке, и я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее шею. Ее молчание – это все равно что «да», и от этого огонь в груди разгорается еще сильнее. А потом я вспоминаю, как она выглядела утром: как будто одновременно хотела и трахнуть меня, и побить.

– Скажи мне, что тебе нравятся мои губы.

Она шепчет, задыхаясь:

– Мне нравятся твои губы.

– Скажи мне, что ты помнишь, как кончала под ними.

– Я помню.

– Сколько раз?

Харлоу издает смешок и выгибается со стоном, когда я вожу большим пальцем вокруг, вокруг, вокруг ее клитора.

– Много.

– Я помню, как приказал тебе ползти через всю комнату, чтобы получить то, что ты хочешь.

Она впивается ногтями в мое плечо:

– Извращенец.

– Но ты ползла. – Я целую шею, подбородок. – А я люблю лизать ее. Люблю твои грязные вздохи.

Внезапный стук в дверь нарушает тишину комнаты, и мы оба подпрыгиваем. Харлоу дрожит и хватает меня за руку, поэтому я продолжаю ласкать ее.

– Финн?

Черт, это Ансель.

– Да?

– Эй, ну… Мы уходим. Это на тот случай, если ты хочешь ехать к Оливеру.

Я чувствую, как Харлоу ждет, что я отвечу. Ее тело напряжено.

– А когда Оливер уезжает? – спрашиваю я, взвешивая свои возможности.

– Он уехал десять минут назад, чтобы еще раз проверить, все ли готово к открытию магазина.

Я издаю стон и, сам того не понимая, убираю руку и вытираю ею рот. Но на моих пальцах сок Харлоу – теперь я могу ощущать ее запах, ее вкус, и я так сильно возбужден, что стискиваю зубы от напряжения.

Она смотрит на меня, но в свете уличных фонарей трудно понять выражение ее лица. Если я не уйду сейчас с ними, мне придется брать такси. А семейный бизнес Робертсов сейчас в таком состоянии, что не может позволить себе потерять ни одного доллара из жалких пяти тысяч, лежащих на счете в банке,

поэтому я не думаю, что имею право потратить 30 баксов на такси.

– Мне надо выдвигаться… с ними, – говорю я.

– Понимаю. – В ее голосе не слышно ни злости, ни даже разочарования – только усталость.

– Не садись за руль, когда поедешь домой, – прошу я. – Ты выпила слишком много.

Она моргает, а когда она смотрит на меня в упор, я вижу, как та самая завеса, за которой она прятала свои эмоции, а сегодня вроде бы открыла, возвращается на место. И чувствую укол разочарования, когда она говорит:

– Ты думаешь, я идиотка?

– Нет. – Я иду за телефоном, сую его в задний карман. Странно, у меня почему-то такое чувство, что она меня сегодня обыграла:

– А ты не хочешь поехать домой с нами?

Она качает головой.

– Я в порядке.

– Я тебя завтра увижу? – Я наклоняюсь, чтобы поцеловать ее, но она уворачивается и отталкивает меня – то ли в шутку, то ли всерьез.

– Уходи, Солнышко. Эмоциональные прощания не прописаны в нашем брачном контракте.

Все правильно. Эту язвительную Харлоу я знаю гораздо лучше. Поправив кепку и слегка кивнув ей, я выхожу за дверь.

Глава 3

Харлоу

Я НАЧИНАЮ думать, что, несмотря на всю свою мягкость и слегка отстраненную манеру поведения, Оливер на самом деле весьма неплохой бизнесмен. Потратив несколько месяцев на поиски наиболее подходящего помещения для своего магазина, он наконец нашел то, что искал – обновленное, яркое помещение на Джи-стрит, в районе Газовых фонарей, между модным тату-салоном и баром. Место потрясающее, и я сказала бы это, даже если бы сейчас тут не было толпы посетителей и нескольких знаменитых, судя по всему, авторов комиксов, которые сидят за столиками в глубине и подписывают желающим книги.

Поймав взгляд Лолы, которая стоит в нескольких футах от меня, я убеждаюсь, что она тоже впечатлена.

Я бывала в магазинах комиксов… ноль раз. Но все-таки сразу понимаю, что планировка этого магазина гениальна. Я ожидала увидеть что-то вроде узких, пыльных стеллажей, от пола до потолка забитых яркими цветными обложками книг и журналов, но Оливер выбрал другое решение – полки кубической формы, асимметричные, и вдоль стен панели различного размера, которые сами выглядят как страницы комикса. Они заполнены книгами и различными сопутствующими товарами, но в то же время здесь остается достаточно места для столов в форме стопки журналов с соответствующими названиями. Впереди, у огромных окон, находятся диванчик и несколько кресел, обтянутых ярко-красной кожей, это место, где можно отдохнуть и почитать.

– А разве люди не захотят просто сидеть и читать здесь, ничего не покупая? – спрашиваю я Оливера, когда он заканчивает экскурсию, которую проводит специально для меня.

Но он уже отходит, чтобы поприветствовать клиента – магазин полон, и вместо него мне отвечает голос Финна:

– Я задал ему тот же вопрос.

Голос его звучит хрипло и слабо, как будто он сорвал его прошлой ночью. Я тут же вспоминаю, как его пальцы касались меня, в ушах у меня звучат те возбуждающие вещи, которые он говорил, и эти ощущения только усиливаются, когда я слышу, что он подходит ближе.

Повернувшись, я встречаю его взгляд. Я ожидаю, что после нашего вчерашнего облома нам обоим будет немного неловко, но он смотрит мне прямо в глаза и улыбается. Сегодня его глаза скорее зеленые, чем карие, а ресницы кажутся еще гуще, еще темнее. Губы у него немного припухли, но от этого мне только сильнее хочется посасывать их, ласкать. Пьяный угар прошел, а он стал еще привлекательнее? Это несправедливо, слышишь, Вселенная?

Могу поклясться, что мы оба пытаемся сохранять хладнокровие, но мне интересно, получается ли это у меня так же плохо, как у него. Он произносит, не отводя взгляд от моих губ:

– Но Оливер говорит, что любители комиксов предпочитают иметь собственный экземпляр своих любимых серий. Он хочет, чтобы люди приходили сюда и, может быть, открывали для себя новые серии. Хочет, чтобы новички чувствовали себя комфортно, чтобы у них было время выбрать ту книгу или серию, которую им захочется иметь.

Чтобы дать это пояснение, Финн, кажется, использовал больше слов за раз, чем за все время нашего с ним общения.

– И ты все это запомнил?

– Ага.

– Это имеет смысл. Мне нравится такой подход.

Я замолкаю, жду. Он закрывает глаза, потирая переносицу.

– Ты в порядке, Робертс? – спрашиваю я. – Ты упускаешь шикарную возможность сказать какую-нибудь колкость.

Он открывает один глаз:

– Никогда больше не буду пить.

Это вызывает у меня смех. Финн Несокрушимый страдает от тяжелого похмелья?

– Ты слишком старый, чтобы такое говорить.

– Практически среднего возраста, – соглашается он. – Можно уже улизнуть и выпить пива на завтрак.

– Завтрак? – Я бросаю взгляд на его запястье, на его огромные, мужские водонепроницаемые часы. – Уже почти одиннадцать.

– Я был немного заторможен утром. Поздно лег ночью. – Он мрачно улыбается.

Когда он смотрит на меня вот так, я немедленно вспоминаю, как он скользил пальцами внутрь меня и обратно – «Господи, когда твоя киска стала такой сладкой?» – как его дыхание обжигало мою шею. Вспоминаю его страстные губы, покрывающие поцелуями кожу моей шеи, плеч, и то, какой твердой была выпуклость на джинсах, когда он прижимался ко мне.

А потом он ушел. И я чуть не закричала от острого неутоленного желания.

Сегодня я должна чувствовать себя рядом с ним неловко. Но почему же тогда так легко?

После небольшой паузы он спрашивает:

– Ты нормально добралась до дома?

Я смотрю мимо него, голова немного кружится от проносящихся мысленных образов, которые вызывает его вопрос. Беллами еще не спала, когда я явилась домой почти в два часа ночи. Я обнаружила ее на кухне, она сидела, уставившись невидящим взглядом в пустоту перед собой.

– Я уходила. Я пыталась просто… хорошо провести вечер, – сказала она. – Но чувствовала себя при этом как дура. Как будто что-то сломалось, понимаешь? А теперь вот не могу уснуть.

Я немедленно почувствовала вину за то, что ушла и забыла обо всем там, на Лолиной кухне, а потом и обо всех в комнате с Финном. Но мама буквально выгнала меня из дома после завтрака утром, сказав, что не видела меня дома в субботу с тех пор, как я была ребенком, и что я никак не могу пропустить торжественное открытие магазина Оливера.

– Я немного поспала в Лолиной постели, а потом уехала на такси, – отвечаю я Финну, бросая на него многозначительный взгляд. – Обычно я так и поступаю после того, как мы перепихнемся.

– Точно. – Он, кажется, не считает это таким уж забавным.

Когда он смотрит через мое плечо в глубь магазина, у меня появляется возможность разглядеть его. Я не могу найти ни единого изъяна в этом теле, и я в достаточной степени женщина, чтобы признать: я тащусь от его рук. Они мощные, с выступающими жилами, каждый мускул четко очерчен. Хотела бы я увидеть, как он втаскивает сеть с уловом на палубу своего корабля. Боже, он бы мог снять волшебное рыбацкое порно.

– О чем ты думаешь? – спрашивает он, и я моргаю, глядя ему в лицо.

– Пытаюсь решить, покупать ли мне ту пару сапожек, которые я видела по пути сюда.

Это ложь, но такая, в которую он должен поверить. Финну вполне комфортно со мной, играющей роль легкомысленной шопоголички, и ему совсем незачем знать, что как раз сейчас я мысленно провожу ему кастинг на главную роль Просоленного Рыбака-1 в телевизионном фильме под названием «Полируя палубы на борту Ее Королевского Величества».

– Если сомневаешься, купи сапожки, – отвечает он сухо. – Разве не это я должен сказать в таком случае?

– Не думаю, что ты вообще должен иметь какое-то мнение по поводу сапожек.

– Слава богу, – бормочет он и идет через комнату, заметив, что входят Ансель и Миа. Довольно бесцеремонно. И я испытываю нечто вроде облегчения от того,

как все легко прошло. Понимаете? Не пришлось оправдываться или проходить через все эти разговоры в стиле «вчера я была такая пьяная». Мы с Финном уже проходили через это в гораздо большей степени – после свадьбы и после сексуального безумия.

Кстати, о неловкости. Миа проходит мимо Финна и многозначительно подмигивает ему, а потом протягивает мне пластиковый стаканчик с надписью «Whole Foods», полный какой-то зеленой жидкости.

– Ансель хотел посмотреть, что это за фигня с соковым безумием, – говорит она. – Разумеется, он тут же стал фанатом и купил шестнадцать унций свежевыжатого капустного сока. Я думала, он начнет блевать прямо у меня в машине.

Я с отвращением заглядываю в свой стаканчик.

– У тебя еще добавлены бананы, манго и ананас. – Она толкает меня локтем. – Я слышала, это чистит организм от токсинов, возникающих в результате необдуманных решений.

– На самом деле вчера был вечер забавных решений. Боже, ничего не могу с собой поделать, так мне нравится это тело, – признаюсь я и невольно смотрю туда, где Финн стоит с Анселем и Оливером.

В ту же секунду он тоже смотрит на меня. Он быстро моргает, когда наши взгляды встречаются, а двое других парней наклоняются к нему, чтобы услышать, что он говорит. Явно делится своими сексуальными успехами.

– Он разговаривал вчера вечером? – шепчет Миа. – Я знаю, как тебя раздражает, когда он пытается общаться.

– Он говорил немного… не особо много. Но это было терпимо. В основном всякие грязные сексуальные словечки. – Я наклоняюсь поближе и говорю: – Хотя секса у нас не было.

– Да, я поняла, – закивала она. – Финн что-то бормотал о посиневших яйцах в машине. А где Лола?

Я осматриваю магазин и наконец нахожу ее, показывая подбородком. Миа отслеживает мой взгляд. Лола совершенно погрузилась в чтение какой-то книги и, кажется, даже не замечает, что вокруг происходит: что праздник в самом разгаре, что люди разговаривают, фотографируются, Не-Джо показывает покупателям магазин, и все поздравляют Оливера с тем, что он выбрал именно это место.

Я понимаю, что Финну удается убедить остальных ребят, что мы успешно миновали опасный участок, когда Ансель подходит к Миа и кладет длинную руку ей на плечи. Он прижимает ее к себе и приподнимает, а потом начинает целовать. Она такая маленькая, а он такой высокий, что выглядит это почти комично: Миа практически исчезает из поля моего зрения под ним.

– Вам, ребята, не нужно уединиться? – спрашиваю я.

Ансель говорит, не отрываясь от ее губ:

– Это было бы замечательно, спасибо. Скажи, чтобы они все ушли.

Смеясь, я шутя толкаю его в плечо, и он ставит ее на место, но не выпускает из рук. Она прижимает два пальца к губам, глядя на него снизу вверх, заливается румянцем и слегка задыхается, и на какое-то мгновение – на крошечное, малюсенькое мгновение – мне так хочется того же, что даже больно в груди.

А потом это проходит.

– Мы тут подумываем о том, чтобы пойти перекусить, – говорит у меня за спиной Финн.

И черт, эта острая боль снова возвращается. Миа смотрит пристально на мое лицо, пытаясь определить мою реакцию. Он стоит прямо за мной, и я расширяю глаза, чтобы показать ей: «Все в порядке. Я в полном порядке».

– Но мы пришли всего пятнадцать минут назад, – возражаю я, медленно поворачиваясь. Медленно и спокойно. – Разве мы не должны побыть тут еще?

Он оглядывается по сторонам:

– Тут полно народу. Друзья на таких мероприятиях должны заполнять пустое пространство, когда никого нет. Так что мы уже не очень-то нужны.

Мне стоило бы пойти с ними. Я уверена, что это будет весело. Но я действительно хочу быть сейчас дома – притворяться, что не схожу с ума от страха за маму.

– Ты уезжаешь сегодня или завтра? – спрашиваю я Финна.

– Хм… – Он взглядывает на Анселя, который наклонил голову с выражением веселого ожидания на лице. Миа смотрит на меня широко распахнутыми глазами, как будто я граната, а Финн вот-вот вырвет у меня чеку.

Он поднимает руку и почесывает подбородок.

– Я… Вообще-то я остаюсь у Оливера на пару недель.

МОИ МЫСЛИ напоминают колоду карт, и мне приходится все время их тасовать, чтобы переместить верхнюю в низ стопки.

Я не должна зацикливаться на мысли о маминой операции в понедельник. Не должна думать о возможных секс-цунами с Финном. Не хочу идти в магазин. Не хочу заниматься серфингом. Не хочу есть. А моя работа на полставки – это просто ерунда. Поэтому я еду в дом своих родителей в субботу днем, переодеваюсь в купальник и иду к бассейну, чтобы плавать до тех пор, пока мои конечности не станут похожи на лапшу. Так я по крайней мере буду близко к ней, но не буду сводить ее с ума.

Видимо, папе в голову пришла та же идея. Он заканчивает заплыв, выныривает и видит меня. И кладет руки на край бассейна. Вода капает с его волос цвета перца с солью на загорелую кожу, он сдвигает плавательные очки на лоб и закрывает глаза, подставляя лицо солнцу. Я бы все отдала, чтобы только не видеть своего отца таким испуганным.

Сев на край бассейна рядышком с ним, я опускаю ноги в воду. И так и сижу, пока он восстанавливает дыхание.

– Привет, Тюльпанчик.

– Привет, папан.

Я окунаюсь целиком, наслаждаясь прохладой остывающей сентябрьской воды. Выныривая на поверхность, я спрашиваю:

– Ну как ты? Справляешься?

Он смеется довольно невесело, снимает очки и кладет их на полотенце в нескольких футах от себя.

– Не совсем. – Он все еще тяжело дышит.

Отец находится в невероятной форме, он, должно быть, плавал сейчас как маньяк:

– А ты?

Я пожимаю плечами. Почему-то я чувствую, что не имею права показать, что так же напугана всем этим, как и папа. В конце концов, это ведь он меня вырастил и воспитал. Мамина карьера пошла в гору, когда мне было всего два, и достигла пика, когда я пошла в колледж. Папа взлетел, когда я была во втором классе старшей школы, это был первый год, когда он получил «Оскара». Он любит нас так самозабвенно, что я даже удивляюсь, но я знаю, без всякого сомнения, его солнце, его луна и звезды – это мама.

– Ты ездил на работу сегодня утром? – спрашиваю я.

Он улыбается, явно разгадав мою коварную тактику.

– Всего на часок. Подумываю ввязаться в новый проект Сэла. Это продержит меня дома минимум до апреля.

Сальваторе Марин – продюсер и режиссер, папин лучший друг и самый частый партнер по работе. Я знаю, что работа очень много значит для папы, и понимаю, как тяжело ему сейчас балансировать между карьерой и необходимостью

постоянно находиться рядом с мамой в прямом смысле слова. Папа никогда надолго не задерживается на одном месте, поэтому я уверена, что мысль о том, что ему придется уехать сейчас, пропустить хоть что-нибудь, что касается мамы, для него должна быть мучительна.

– Звучит идеально, – говорю я просто.

– Думаю, тебе он понравится. – Улыбка делает его таким, каким я давно его не видела, – искренним и озорным. – Это о компании ребят на лодке.

– Очень смешно. – Я брызгаю в него водой. Мне так не хватало его смеха и легкой улыбки, поэтому пусть он подшучивает надо мной и насчет Финна, и насчет других парней, если это доставляет ему удовольствие, сколько угодно.

– Так что ты в конце концов делала вчера вечером?

Я быстро ныряю с головой, зачесывая волосы назад:

– Ходила к Лоле.

Я чувствую, как он смотрит на меня и ждет. Ему нужны детали.

– И? Это было весело?

– Нормально было, – уклоняюсь я от ответа и смотрю на него, щурясь от солнечного света. – Кстати, забавно. Там был Финн.

Его брови медленно ползут вверх:

– Финн, значит?

Я всегда полагалась на папу и его мозг, когда мне нужно было разобрать свой день, свои разочарования, свои приключения. Поэтому он, разумеется, знает в общих чертах все о моей поездке в Вегас: как мы встретились в баре, напились и поженились. С очень большими купюрами я рассказала ему, как мы ходили вместе аннулировать наш брак на следующее утро. Знает он и о том, что я летала к Финну в гости меньше чем на сутки. Поэтому, когда я упоминаю, что

Финн был вчера на вечеринке, я прекрасно понимаю, что папа может сложить два и два.

– Это было хорошее развлечение, – бормочу я, а потом еще тише признаюсь: – Хотя произошло не так уж и много.

В его глазах зажигается плохо скрываемая насмешка:

– Он приехал в город на торжественное открытие?

Я киваю, не упоминая, что Финн, кажется, пробудет тут пару недель. Я сама еще пока не решила, какие чувства вызывает во мне эта новость – восторг или раздражение. Как будто у меня и без того мало забот и поводов для раздумья, так теперь еще я вынуждена буду видеть его каждый раз, когда захочу выйти в люди?

Папа наблюдает, как я вывожу на сухом бетоне каракули мокрым пальцем. Я никогда не скрывала от него своего интереса к мальчикам, своих девичьих любовных разочарований и драм, своих страхов и тревог. Когда я подросла, мы договорились, что я всегда буду приходить к нему первому с большими проблемами, что он всегда сделает все, чтобы мне помочь, и не станет читать нотаций, осуждать или впадать в то, что мама называет защитной злостью.

– Иногда полезно развлечься, – говорит он, не сводя с меня глаз.

Когда тебя растит такой удивительный мужчина, то возникает одна проблема: почти невозможно не сравнивать каждого встреченного парня с ним. Все до единого не дотягивают.

Я пожимаю плечами.

– Учитывая все то, что происходит сейчас в твоей жизни, очень плохо, что он живет так далеко.

Я смотрю поверх его головы:

– Он приехал на пару недель.

Папа смеется, глядя на выражение моего лица, и вылезает из бассейна. Вода потоком стекает по его ногам, образуя маленькие лужицы, в которых отражается солнце.

– Я обожаю тебя, моя прекрасная, сильная девочка. – Он наклоняется за полотенцем и, растирая руки и грудь, произносит: – И я хорошо тебя знаю. Держу пари, сейчас ты придумываешь кучу причин, почему тебе не стоит проводить с ним время.

– Конечно, не стоит…

Он прерывает меня, слегка поднимая руку:

– Я знаю, что для тебя нет ничего важнее семьи. Я сам так тебя воспитал. Но вскоре ты захочешь быть здесь каждое мгновение, сидеть рядом каждую возможную секунду. Ты будешь все время сидеть в Интернете, будешь читать абсолютно все, что найдешь. Ты будешь доставать ее, предлагать ей еду, теплый свитер, кино, подарки. И я буду делать то же самое. И вместе мы точно сведем твою мать с ума. – Он присаживается на корточки передо мной и шепчет: – Пожалуйста, Тюльпанчик, развлекайся, пока можешь. Повеселись. Я тебе завидую.

ДОМ ОЛИВЕРА представляет собой маленький одноэтажный коттедж в Пасифик-Бич, выкрашенный синей, выцветшей от океанского бриза краской, с красными ставенками. Тротуар перед домом потрескавшийся и неровный, а лужайка заросла и похожа на кусок разноцветного – желтого, зеленого и коричневого – ситца. В отличие от его шикарного магазина в центре в этом месте нет ничего примечательного. Но я знаю этот район очень хорошо, чтобы предположить, что для Оливера возможность забраться на крышу своего дома ночью и увидеть закат над океаном значит очень много.

Поплавав, я пошла в дом и увидела, что мама и папа сидят в гостиной рядышком друг с другом на диване и читают каждый свою книгу в полном молчании.

Я предложила приготовить им обед, они оказались не голодны. Я предложила выполнить какие-нибудь поручения – у них не оказалось поручений для меня.

Поэтому я стояла, переминаясь с ноги на ногу, в гостиной, пока папа не взглянул на меня с легкой печальной улыбкой.

Я еще понадоблюсь маме, но сегодня я ей не нужна. Ей сейчас не нужен никто, кроме ее мужчины, а ему нужно только быть с ней рядом все время.

Я подъехала к дому Оливера словно в тумане, на автопилоте, стараясь не думать о том, что я собираюсь делать. Мой отец практически посоветовал мне наслаждаться Финном – пусть и не такими словами! А почему, собственно, нет? Не похоже, что это каким-то образом не отвечает ожиданиям – и моим, и Финна. Вместе мы провели в общей сложности один день и большую часть этого времени были голыми. До этих выходных нашим самым значительным разговором был тот, когда я появилась в его доме и он сказал мне, что в моем распоряжении все, что я найду в холодильнике, а он пока сбегает за презервативами.

Я улыбаюсь дверному молоточку в виде R2-D2 и дважды стучу в дверь.

В доме тихо, я слышу, как ветер с океана шевелит высокие, гибкие пальмы. Наконец раздались чьи-то шаги, и входная дверь распахивается.

У Финна на плече посудное полотенце, и он вытирает им руки. Он без рубашки, а джинсы низко спущены на бедра, открывая взгляду черную кромку его боксеров.

– Привет, Огненная Барби.

В одно мгновение мое радостное предвкушение улетучивается, а на его место приходят смущение и неуверенность.

Ненавижу такие моменты. Я чувствую себя уязвимой и нахожусь на грани слез, но это не имеет никакого отношения к Финну. Пьяный Финн был аномалией, у него было нежное выражение лица, и он был веселый. А дневной Финн – могучий и резкий, он хорош только для рыбалки, для секса и, как выясняется, для мытья посуды.

– Знаешь что? – Я оглядываюсь на свою машину, стоящую на парковке. – Это была глупая идея.

– Стой. Ты приехала ко мне, а не к Оливеру? – Он делает шаг вперед.

– Да…

– Ты приехала сюда, чтобы закончить то, что мы начали ночью?

Я поворачиваюсь, чтобы уйти, понятия не имея, что ответить на столь дебильный вопрос. То есть да, я приехала за этим. Но это больше, чем просто желание пошалить. Я хочу от Финна такого секса, который сможет помочь мне забыть обо всем и отключить мозг. Я не хочу играть в кошки-мышки, не хочу обсуждать это. Я просто хочу это сделать.

В его голосе слышится едва уловимая насмешка, когда он произносит:

– Если это то, чего ты хочешь, – просто скажи, Харлоу.

Я останавливаюсь, глядя на улицу, чтобы несколько раз глубоко вздохнуть. Мимо едет машина, она чуть ли не царапает днищем асфальт, басы из стереосистемы звучат так громко, что земля вибрирует у меня под ногами. Машина тормозит, и мужчина, сидящий на пассажирском сиденье, показывает на меня подбородком.

«Следующая юная уродка, которую я встретил, была рыжей», – несется из машины рэп в исполнении Too $hort, его голос искажается в дерьмовых динамиках. Я выпрямляюсь и смотрю в упор на парней, взгляды которых перемещаются от моего лица к моей груди.

«Я подвез ее до дома, и она мне отсосала».

На этих словах мужчина на переднем сиденье мерзко улыбается и поднимает брови, словно спрашивая меня, правда ли это, уж не та ли я рыжая уродка? И машина стоит, перегораживая улицу, как будто водитель ждет, когда я прыгну в тачку и зажгу с ним. Я хочу пройти к своей машине, но оказываюсь в ловушке: с одной стороны эти парни в машине, а с другой – этот придурок

с большим членом.

Финн выходит из дома, стягивает посудное полотенце с плеча, подходит и встает, загораживая меня плечом и уставившись на мужчин в машине.

– Какого черта вы тут забыли? – рычит он.

Меня больше не волнуют эти уроды в машине. У меня никогда не было мужчины – кроме моего отца, – который бы встал на мою защиту. Все парни, которые у меня были, в этой ситуации притворились бы, что не видят машину в упор, или начали бы испуганно шипеть «пойдем скорее в дом». Рядом со мной Финн выглядит просто огромным. Раньше я никогда не видела его на солнце – а вот солнце видело его кожу тысячи раз. Я высокая, но он намного выше и минимум в два раза шире. Грудь у него загорелая и мускулистая, татуировок нет, но повсюду мелкие отметинки, шрамы: тут царапина, там порез. Он кажется больше всей этой улицы, полной просоленных серферов и тощих головорезов.

Машина с ревом трогается с места и уезжает.

– Эти придурки совершенно не понимают, как с тобой надо обращаться, – говорит он спокойно, глядя на меня так, словно оценивает.

И в этом взгляде я вижу то же самое выражение, которое зацепило меня вчера: собственничество, интерес, страсть… как будто я не совсем то, что он себе представлял… И, может быть, ему это нравится.

Сердце у меня колотится, и теперь, когда адреналин разносится по моим кровеносным сосудам, я даже больше, чем раньше, хочу войти внутрь и позволить ему лишить меня способности думать о чем-либо.

– Ладно. Да. Я здесь, чтобы закончить то, что мы начали.

Он ждет, размышляя. Я вдруг замечаю, что он без кепки. Я могу видеть его глаза на солнце – увидеть их по-настоящему, без падающей на них тени кепки, не в мутноватом свете огней морской гавани. И обнаруживаю, что мне нравится, как он смотрит на мир, особенно на меня.

Его глаза кажутся намного умнее, чем его рот.

Вот и доказательство.

– Такая девушка, как ты, доставляет слишком много проблем. Больше, чем она стоит, – говорит он с легкой улыбкой.

Боже, какой же он все-таки придурок. Но по искоркам в его глазах видно, что он на самом деле чертовски рад, что я здесь. И пусть он там себе думает, что я заносчивая примадонна. Главное – что он может заставить меня забыть обо всем хотя бы на время.

– Я понимаю.

– Мы можем заняться сексом, это классно. Но чтобы сразу было понятно – на этом все.

Я смеюсь.

– Я здесь ради секса, а не для того, чтобы соединиться с тобой прочными узами.

Он делает приглашающий жест рукой, и мы оба входим в дом.

Моим глазам требуется несколько секунд, чтобы привыкнуть после яркого солнца. Финн закрывает за собой дверь, прислоняется к ней, скрестив руки на груди. Я отворачиваюсь, жилка у меня на шее бьется с бешеной скоростью, я пытаюсь упорядочить мысли, делая вид, что осматриваю дом. Он внезапно оказывается совсем не таким, как я ожидала, и я на какое-то время даже перестаю нервничать.

Свет льется через окна с видом на океан, отбрасывая косые тени, которые тянутся по деревянному полу из акации через всю столовую и маленькую гостиную. Мебель выглядит старой, но отреставрированной и – неожиданно – хорошо подобранной. Диван и кресла разных оттенков синего. Большая плетеная ацтекская оттоманка превратилась в кофейный столик. Несколько фотографий в рамках стоят на тумбочке рядом с диваном, а на большом, потрясающе многоцветном обеденном столе в маленьком горшке причудливо

изгибается бамбук. Стол сделан из разных кусочков дерева, светлая и темная древесина перемешаны, и, хотя верх у него гладкий и отполированный, шероховатые, необработанные края придают ему вид настоящего произведения искусства.

– Оливер меня удивляет, – говорю я. – Это место совсем не похоже на берлогу холостяка.

Финн смеется:

– Он аккуратный.

Я смотрю на полотенце, перекинутое через его плечо.

– А ты моешь посуду.

Чуть дернув плечом, он бормочет:

– Я тоже аккуратный.

– Значит, это Ансель – неряха? – спрашиваю я с улыбкой.

Сердце у меня бьется так сильно, что я слышу его удары у себя в ушах. Мне не хватает легкости, которая появляется в разговоре после текилы. Брови Финна сходятся на переносице, и я уточняю:

– Один из вас должен быть неряхой, если исходить из моей сексистской статистики.

– На самом деле он самый большой маньяк чистоты, которого я знаю. Вот Перри – неряха. Вот и вся твоя теория.

– Разумеется, она неряха. Она же чудовище.

Финн стоит спокойно, с ничего не говорящим выражением лица. Я в общем-то и не ожидала, что он начнет сейчас поливать грязью одного из своих лучших

друзей, независимо от того, какой дрянью она оказалась.

– Почему ты остаешься в городе? – спрашиваю я наконец. – Я думала, ты никогда не пропускаешь свою смену на работе.

Он проводит рукой по губам, по подбородку, задерживая на мгновение мой взгляд.

– И кажется, ты всегда присутствуешь при исключениях из этого правила.

– Это не настоящий ответ.

– Бизнес.

– Бизнес?

– Ага. – Он делает пару шагов ко мне.

– Почему ты здесь?

– Я думала, мы обсудили это снаружи.

– Я знаю, зачем ты здесь, но не знаю почему.

– Моя… – Я замолкаю, сдерживая желание рассказать, что я на самом деле здесь делаю. Это слишком тяжело. Слишком. – Я просто хотела сбежать из дома.

Его брови сходятся на переносице, и явно новые вопросы рвутся с языка, но вместо того, чтобы их задать, он протягивает руки и делает еще один, последний шаг ко мне. Подняв ладони, он изображает весы:

– Финн… обувной магазин… Финн… обувной магазин.

– Полагаю, ты выиграл.

Он наконец выпускает на волю улыбку, с которой боролся все это время.

– Расскажи мне, почему я. У тебя целый город богатеньких деток, которые только и ждут, когда ты залезешь к ним под одеяло.

Кровь у меня в жилах закипает, а он протягивает руку и играет с бретелькой моего платья.

– Они все никуда не годятся, – признаюсь я.

– О, серьезно? – В его голосе нет и тени удивления.

– У меня никогда не было мужчины, который заставил бы меня кончить. Без моей помощи.

Я игнорирую самодовольную ухмылку, в которой изгибаются его губы, когда я произношу это. Я изо всех сил пытаюсь скрыть дрожь, которая бьет меня изнутри, так отчаянно я хочу снова ощутить то, что происходит, когда он касается меня. Но, возможно, ему и стоило бы это увидеть. Может быть, это заставит его захотеть превзойти самого себя сегодня.

– Что ж, для ясности, – шепчу я, – я использую тебя для секса.

Финн тянется ко мне, и я чувствую, как мои глаза закрываются, а чувства обостряются в предвкушении его первого прикосновения. Он нежно собирает мои волосы руками, едва касаясь пальцами моего затылка, когда собирает их в хвост и закручивает в узел одной рукой.

– А теперь начинай меня целовать.

Он держит меня за волосы; я пытаюсь, но не могу приблизиться к нему.

Пытаюсь еще раз, но он по-прежнему держит меня, мрачно улыбаясь и глядя на мои губы. Я закрываю глаза и протягиваю к нему руки, глажу его обнаженный живот, поднимаясь к груди. Кожа у него невозможно теплая. Он твердый и гладкий, соски его встают под моими ладонями, и он издает резкое шипение, когда я слегка провожу по ним ногтями, и немного освобождает свою хватку. Все это очень знакомо и в то же время нет: на этот раз секс не будет случайным или быстрым, пьяным или спонтанным.

Он преднамеренный, и у нас весь день впереди.

По крайней мере я так думаю. Мимолетная мысль о его «бизнесе» проносится у меня в голове, слегка пошатнув мою уверенность в этом, но она испаряется, когда мои руки обвивают его шею и я прижимаю свои губы к его губам. Он со стоном скользит своими губами по моим, проникает языком внутрь, и вдруг его начинает трясти. Он тянет меня за волосы назад, разворачивает, и мы, спотыкаясь, идем по коридору, ударяясь о стену, где он вдруг замирает, всем весом навалившись на меня и прижав к стене.

– Вчера ночью я хотел съесть твою киску, – говорит он мне прямо в ухо. – И я все еще хочу этого. Хочу, чтобы ты дико извивалась перед моим лицом. Что ты думаешь об этом?

Я думаю, что это великолепный план.

Финн отстраняется и тащит меня дальше по коридору, я насчитываю три спальни – три крошечные спальни – и его последняя, с той стороны, где окна выходят на улицу. Она практически пустая, если не считать большой кровати из ИКЕА около одной стены и такого же шкафа у другой. Чемодан Финна стоит прямо у двери шкафа.

Эта сторона дома, спрятанная от солнечных лучей, прохладная, и мы останавливаемся, как только входим в комнату. Его жар становится все сильнее с каждым его тяжелым вздохом. Я почти задыхаюсь, сердце у меня готово выскочить из груди.

Я почти никогда никого не боюсь, и будь я проклята, если когда-нибудь позволю парню взять над собой верх. Но если в этой комнате есть альфа-самец, то это точно не я. Стаскивая посудное полотенце с плеча, Финн позволяет своему взгляду скользить по моему рту к шее и ниже. Соски у меня напрягаются и встают под тонкой тканью платья. Он облизывается, мыча.

– На этот раз я собираюсь тебя связать, – говорит он, стягивая одну бретельку платья с моего плеча. Его губы путешествуют по моей шее, и он спрашивает: – Что скажешь?

Я моргаю, глядя на него, застигнутая врасплох. Я… Может быть? Меня никогда не связывали. Но если быть до конца честной, меня совсем не удивляет, что Финн хочет этого. В Вегасе, а потом в Канаде он бывал грубым и нежным в равной степени. Он шлепал меня, закидывал мне руки за голову и оттягивал оргазмы, чтобы потом вернуться внутрь меня и целовать с такой страстью, что я кончала с криком. А потом он выходил из меня и заставлял кончить снова уже при помощи рта.

В первую ночь, когда мы были вместе, мы занимались сексом всего один раз, а потом отключились, но тогда он продержался три часа. Финн любит командовать, и в данный момент я собираюсь ему это позволить.

– Можно.

– В прошлый раз ты появилась очень неожиданно, я был не совсем готов к этому, – признался он. – А сегодня, думаю, я хочу получить максимум удовольствия. Если, конечно, ты никуда не торопишься?

Я качаю головой, закрывая глаза. Это так хорошо – просто отдаться в его руки. Отмахнуться от всех тревог и позволить ему связать себя, есть меня, трахать меня, пока я не потеряю способность двигаться. Я не очень знаю этого человека и не знаю, можно ли ему доверять в других вопросах, но в том, что касается моего тела, я доверяю ему целиком и полностью.

– Так что? – спрашивает он с легким нетерпением в голосе, ловя мой взгляд.

– Нет, – говорю я, открывая глаза, и голос у меня такой хриплый, что мне приходится прочистить горло. – Я никуда не тороплюсь.

Он кивает, подходит к шкафу, достает с верхней полки красную веревку.

– Тебе всегда выпадает удача найти веревку в шкафу? – спрашиваю я, голос у меня высокий и срывающийся.

– Не хотел оставлять ее в грузовике, чтобы кто-нибудь ее взял. – Он улыбается мне. – Это действительно хорошая веревка.

Я совершенно уверена, что мало кому в Пасифик-Бич пришло бы в голову, что веревка в багажнике грузовика – это действительно хорошая веревка, но я не возражаю. Я рада, что ему не надо выходить из комнаты, чтобы ее искать.

Но когда я смотрю на эту веревку, она не кажется мне похожей на то, что можно использовать на корабле. Она мягкая, даже как будто шелковистая.

– Ты таскаешь шелковую веревку в багажнике своего пикапа? Может быть, мне стоит погуглить тебя, Финн?

Он усмехается, привязывая ее к кровати.

– Я был уверен, что мне придется тебя раздевать, пока я буду здесь. – Он дергает подбородком, приказывая мне это сделать.

– Как ты уверен в себе!

Его брови взлетают вверх, как будто говоря «Да ну?», и он стягивает полотенце с плеча и обходит меня кругом, пока я задираю платье, снимая его через голову. А когда я спускаю трусики по ногам и переступаю через них, я чувствую, как ткань легко касается задней поверхности моих бедер.

И затем следует резкий удар по тому же самому месту.

Охнув, я поворачиваюсь и выпучиваю на него глаза. Он шлепнул меня полотенцем, как какой-то подросток на кухне! Место удара горит, заставляя меня в большей степени ощущать прохладу в комнате.

– Иди сюда, – приказывает он, игнорируя мое изумленное выражение лица.

– Ты не будешь хлестать меня посудным полотенцем.

– Ты права, не буду. – Когда я подхожу ближе, он снова ударяет полотенцем по воздуху, едва задев мое бедро. – Я собираюсь тебя им дразнить.

– А нельзя просто раздеться и…

Он шлепает меня снова, на этот раз по передней части бедра.

– Ты же пришла ко мне, а не к какому-то тощему парню из Дель-Мар. И я делаю что хочу. – Его взгляд смягчается. – Но я не собираюсь оставить тебя неудовлетворенной, сладкая моя. Так я не сделаю.

Я прерывисто выдыхаю и киваю. Он делает что хочет, поэтому я здесь. Закрыв глаза, я отдаюсь похожему на опьянение ощущению от того, что я так близко к нему и могу чувствовать его.

Он накручивает на палец прядь моих волос и нежно тянет их вниз:

– Посмотри на меня.

Я поднимаю на него глаза, и хотя они у меня широко раскрыты, я не вижу ничего, кроме его нижней губы, изогнутой в иронической улыбке. Я жду, какие указания последуют дальше.

– Поцелуй мою шею, – шепчет он, и я целую. Встав на цыпочки, я прижимаюсь губами к пульсирующей жилке. Это хороший повод проверить, как я действую на него, так ли сейчас у него кипит кровь, как у меня, когда мы так близко друг к другу. Но его пульс размеренный и медленный: тук, тук, тук… даже под моими прикосновениями.

– Лизни меня.

Его пальцы скользят по моей шее, вокруг цепочки, прижимаются к моему затылку и снова захватывают мои волосы.

Кончик моего языка, вырвавшись на свободу, едва касается его кожи, и Финн издает низкий, сладострастный стон. На вкус он как соль и воздух, как будто океан впитался в него, когда он был еще совсем маленьким и даже не умел ходить.

– Ложись.

Его пальцы отпускают меня, а взгляд – нет. В этот момент я вспоминаю, что Финн старше меня на десять лет и я, наверное, должна сейчас выглядеть наивной и испуганной. Интересно, имеет ли он представление о том, насколько у меня отсутствует опыт отношений с такими любовниками, как он.

– Я собираюсь привязать тебя и целовать эту сладкую киску. Я хочу слышать, как ты выкрикиваешь мое имя, когда кончаешь мне на губы.

Я ложусь на кровать, поворачиваюсь и ползу к центру. Я выросла на пляже и привыкла быть в бикини на глазах у многих людей, но с Финном мы все время трахались в темноте. И мне немного странно быть сейчас совсем голой, в то время как он почти одет, и ползти на руках и коленях по кровати при ярком свете дня.

Оперевшись на колени и локти, я жду, что он присоединится ко мне, но он качает головой:

– Ляг на спину. Закрой глаза. – И в ответ на мой подозрительный взгляд произносит спокойным, низким голосом: – Ты хочешь этого или нет?

Прежде чем сделать то, что он говорит, я смотрю на ширинку его джинсов, которые от времени стерлись и стали мягкими, но под которыми сейчас вырисовывается отчетливая и внушительная выпуклость. Он уже уверен, что мое тело готово, и я знаю, что мы будем делать. Где-то на краю я чувствую угрозу паники и страха, а моя потребность убежать от своих собственных мыслей вызывает у меня самой раздражение.

Он видит, куда направлен мой взгляд, и кладет ладонь на член, слегка потирая его и улыбаясь:

– Ты получишь его немного позже. А сейчас ляг на спину.

Подушка плотная и твердая, но хлопок покрывала приятно мягкий и теплый для моей обнаженной кожи. Матрас прогибается, когда Финн встает с кровати, проведя рукой у меня между ног.

Он обматывает веревкой свою запястье, а потом пропускает ее под моим телом. Он тянется дальше, протягивает веревку подо мной и крест-накрест перевязывает мне туловище. Обернув ее вокруг одной руки, он тянет ее вверх к плечу и затем обратно к груди с другой стороны. Обернув другое запястье, он мягко связывает мне руки так, что они остаются по бокам, около бедер.
В центре, чуть ниже моего пупка, он делает сложный и красивый узел. Я наблюдаю за ним все время: он сосредоточен и осторожен, старается не стягивать меня слишком сильно. И могу поклясться: ему нравится то, что он видит. Закончив, он вздыхает, проводит руками вверх по моим бедрам, животу, груди, шее.

– Я и не знала, что ты так умеешь, – шепчу я.

Он слегка пожимает плечами, но не отвечает. Мои груди лежат по обеим сторонам от креста, который пересекает мою грудную клетку.

Веревка хоть и мягкая, но крепкая, и я чувствую, как она давит на нежную кожу по всему моему туловищу.

– Не слишком туго? – спрашивает он, рисуя пальцем маленький круг вокруг моего соска.

Я сглатываю с легким придыханием:

– Нет.

– Тебе нравится?

Я слышу искреннее беспокойство в его голосе. По тому, как дрожат у него руки, по его страстному взгляду, по тому, как вздымается под джинсами его член, я точно могу определить, что ему это нравится. Очень. Но ему важно, чтобы и мне тоже нравилось.

И черт, мне нравится. Меня не смущает то, что мои руки прижаты к бокам – по крайней мере не так сильно, как думала. И я чувствую все очень остро: шелковистое натяжение веревки, когда я шевелюсь под его взглядом, прохладное дуновение воздуха около моей груди, глухое эхо моего собственного

пульса – на шее, в груди, между ног…

Я и забыла, какие у него шершавые руки, все в мозолях от постоянной работы, грубые и такие огромные, что он накрывает большую часть моего тела, когда ведет ладони вверх по моим ногам к внутренней поверхности бедер, открывая меня.

Я сопротивляюсь, и он издает тихое «тс-с-с», легко преодолевая мое сопротивление и качая головой. Он не смотрит на мое лицо, он смотрит в меня, туда, между моих ног.

Я предпочитаю думать о себе как о достаточно прогрессивной женщине. Все эти разговорчики о том, что все можно и нужно попробовать в этой жизни, но все это по большей части в теории… К моим двадцати двум годам у меня никогда не было любовника, который был бы достаточно опытен, чтобы не торопиться и уделить мне достаточно внимания. Я никогда не была с таким мужчиной, который был бы достаточно уверен, чтобы быть спокойным и просто разглядывать меня. И уж, конечно, меня никогда не связывали. И никто никогда не смаковал меня так, как сейчас Финн – даже тот Финн, которого я знала раньше.

Он усаживается, ставя локти мне между ног, и целует мое бедро, глядя на мое тело, перетянутое красной веревкой:

– Ты выглядишь потрясающе.

Я хрипло шепчу:

– Спасибо, – глядя, как он любуется мною, приоткрыв рот. И, черт возьми, я ему верю.

Он стонет буквально за долю секунды до того, как коснуться меня, и когда касается, у меня как будто бомба взрывается внутри. Как будто из меня что-то высвобождается, пока его язык скользит по моему телу. Я откидываюсь назад, напрягая руки и выгибаясь на матрасе так, чтобы быть как можно ближе к нему. Теперь я знаю, что ждала даже не прошлого вечера – ждала этого каждую секунду с момента, когда его язык последний раз был у меня между ног. Его губы – теплые и сильные. Он целует меня там, как будто в губы, слегка касается

и нежно лижет, и это вызывает мой первый крик. А потом он раздвигает мои губы, проникает языком в меня – и это сводит меня с ума.

Финн всегда был почти грубым и явно хотел доминировать оба раза, когда мы были вместе, но сейчас… сейчас все по-другому. И не потому, что вокруг моих рук обмотана веревка, не потому, что я беспомощна перед ним. Мы как будто оказались совсем в другой вселенной. Раньше это были отношения на один, может быть – на два раза, чистый секс. Но сейчас он как будто снимает слой за слоем свою защитную оболочку, чтобы показать секретные стороны своей натуры.

На долю секунды я вдруг осознаю, как он шумит, как громко сосет и чмокает и как шумлю я, издавая стоны и выкрикивая его имя и другие невнятные слова. Но я слишком полна желания, чтобы стесняться. Не могу, потому что вибрация от его стонов, направленных прямо внутрь меня, и то, как он использует узел на моем животе, чтобы ритмично притягивать меня к своему рту, заставляет меня кончить так быстро и так мощно, что я впиваюсь ногтями в собственные бедра и взрываюсь – тепло, и влага, и чистое гребаное блаженство серебристой струей разливаются по моим ногам. Моя кожа горит и электризуется, и я слышу, как эхо от моих хриплых криков наполняет почти пустую комнату.

Финн не останавливается, он продолжает работать ртом, но я задыхаюсь. Когда кончаю, мои ноги дрожат, они ослабли. Я пытаюсь свести их вместе, но его руки разводят мои бедра, он держит меня открытой, прижимая к постели.

Он рычит «нет» и протягивает руку, слегка приподняв меня, чтобы резко ударить по задней поверхности бедра.

Я слишком возбуждена, чтобы быть шокированной. Когда он кладет руку на место удара, медленно поглаживая его своей шершавой ладонью по кругу, я тут же начинаю хотеть, чтобы он ударил снова, потому что хочу снова таять под его успокаивающими восхитительными прикосновениями.

Финн смотрит на меня, его губы нежно прижаты к моему клитору, но взгляд сосредоточен сейчас на моем лице. Он чуть отстраняется, чтобы прошептать:

– Скажи мне, что ты чувствуешь?

Что он имеет в виду – эту порку или ошеломляющий оргазм? Или то, что я почти не могу двигаться, потому что он заставил каждую клеточку моего тела сжаться? Впрочем, о чем бы он ни спрашивал, ответ будет одинаковым.

Моргнув, я открываю рот, медленно выдавливаю из себя слова: «Та-а-а-к… черт… хорошо-о-о-о», – выуживая их из своей головы по одному. И не успеваю я их произнести, как он улыбается и снова начинает целовать, лизать и тянуть за веревку. Все слова и мысли тут же улетучиваются из моей головы, и я могу думать только об одном – как бы крутить бедрами как можно ближе к его рту.

Лицо у меня горит, щеки покрыты румянцем. Веревка впивается мне в кожу, ходит вверх-вниз в ритме, заданном движениями его языка. Соски стоят торчком, они напряжены до боли, и я так хочу, чтобы его пальцы нашли их, чтобы его губы нашли их. Я хочу, чтобы он был везде. Я чувствую тяжесть и отчаяние, все внутри меня сейчас направлено только на одно – где он касается меня и где не касается.

Я, видимо, что-то говорю, потому что звуки его голоса пробиваются сквозь туман ко мне.

– Вот так, – говорит он мягко, словно мурлычет. – Черт, ты только посмотри на себя.

Но я смотрю на него. Его мягкие волосы у меня между ног, и его глаза, эти гребаные глаза, которые смотрят прямо на меня и ждут. Он вставляет палец внутрь и наклоняется, чтобы продолжить сосать, и это все, что требуется. Я выгибаюсь на матрасе и кричу, снова разлетаясь на кусочки внутри этой его паутины из шелковых веревок.

Я похожа на растаявший шоколад, растекающийся по кровати, и издаю тихий стон, когда руки Финна гладят мой живот, нежно развязывая узел.

– Может чуть-чуть покалывать, когда я уберу ее. – Он целует то место, где был узел и где теперь остался след от веревки, который почти похож на цветок. – Это будет чувствительно.

– Хорошо, – говорю я на выдохе. И да, действительно покалывает: когда он снимает веревку с моих рук, распутывает мое туловище, я чувствую, как воздух

обжигает следы от веревки, оставшиеся на коже. Но за долю секунды до этого Финн успевает первым коснуться их, он лижет, целует, гладит их, и это очень приятно.

Это ошеломительно приятно, и он такой нежный. Когда мои руки освобождаются, я обвиваю ими его шею, притягиваю его лицо к себе, и он лижет, и посасывает следы от веревки, оставшиеся на моей груди.

Наконец он берет мой сосок в рот, языком описывая круги вокруг него.

– Как же хорошо, – бормочет он, играя со второй грудью и пальцами лаская следы от веревки.

Взяв меня за запястья, он заводит мне руки за голову и снова обматывает их веревкой.

– Хорошо? – шепчет он.

– Да.

Связанная таким образом, я могу оставить руки за головой, а могу обвить их вокруг его шеи. Но сейчас я оставляю их там, где они есть, сосредоточившись на ощущении покрывала у меня под спиной.

Финн берет меня за бедра и подтягивает к изножью кровати. Сунув руку мне между ног, он ласкает меня двумя пальцами, сложенными в виде буквы V, скользя по клитору, а затем проникает внутрь и повторяет те же действия снова и снова…

– Ты такая теплая. – Он наклоняется, целует мое бедро. Затем отстраняется и делает шаг назад, и я вижу, как он стягивает джинсы и боксеры, бросает их на пол. Вынимает презерватив из коробки в верхнем ящике комода, но не надевает его. Вместо этого он залезает на кровать, садится верхом мне на грудь. Он весь горит; жар, исходящий от его кожи, не похож ни на что другое, что я когда-либо чувствовала. Как будто все нервные окончания на моей коже, которые побывали под веревкой, стали еще более чувствительными.

Он кладет руку у меня над головой, другой рукой обхватывая член:

– Поцелуй меня.

Когда широкая головка его члена касается моих губ, я закрываю глаза, слыша его стон. Мне нравится тугая плоть головки, ее вкус. Я облизываю кончик, потом открываю его, когда он скользит глубже мне в рот, обвожу языком вокруг и выталкиваю его, играю с ним, увлажняю, чтобы он лучше скользил у меня между губ.

– Тебе нравится? – спрашивает он хрипло. – Нравится, когда мой член у тебя во рту?

Кивнув, я открываю глаза, чтобы увидеть выражение его лица, какого раньше не видела: лихорадочный восторг, как будто он видит самое прекрасное и удивительное в своей жизни.

– Я никогда не кончал тебе в рот, – говорит он тихо. – Все время думал об этом, но потом всегда хотел кончить как-то по-другому.

Словно в доказательство своих слов, он спускается мне на бедра, открывает упаковку с презервативом и надевает его, разглаживая по всей длине члена. Если бы это было кино, я перематывала бы и пересматривала эти три секунды снова и снова.

Мне нравится, как он смотрит, когда разглаживает латекс, как улыбается самому себе, тянется вниз, легко пробегая пальцами по яичкам. С тихим стоном он проделывает оставшийся путь вниз по моему телу и встает у изножья кровати между моих ног.

– Обхвати меня ногами. Держись за меня ногами.

Я делаю то, что он говорит, потому что я больше не знаю ничего, кроме того, что должна ощутить его внутри себя немедленно. Он держит свой член прямо, просунув одну руку мне под бедра, и проникает в меня головкой.

И назад. И вперед.

Он смотрит на меня, приоткрыв рот, взгляд у него тяжелый, и он снова выходит из меня.

Я издаю стон, откидываю голову назад и стискиваю зубы.

– Мне нравится, что ты такая нетерпеливая, – шепчет он, наклоняясь, чтобы поцеловать мои ключицы. – Ты представляешь, как ты выглядишь сейчас? Истекающая соком, в котором я весь?

Он понимает, что у меня нет слов для ответа, да он его и не ждет, а просто проникает в меня, дюйм за дюймом, большим пальцем лаская по кругу мой клитор и приговаривая:

– О-о-о, только пока не кончай.

Но когда он чуть подается назад, он уже тяжело дышит, а потом делает мощный толчок, и я понимаю, что он весь внутри. Он дает мне всего себя, эти сильные толчки и низкие, животные звуки, которые он издает с каждым из них. Его руки, такие большие, обвивают мое тело, прижимая меня крепче, пока он трахает меня с такой силой.

Я наслаждаюсь тем, что этот мужчина уговаривает меня подождать.

Подожди.

Не сейчас, Харлоу. Не кончай без меня.

Я сказал подожди. Я близко. Я так чертовски близко.

Он вдруг выходит из меня, когда я уже почти разлетаюсь на тысячи маленьких осколков, а потом легко скользит обратно и шепчет мне в шею:

– Ты готова кончить?

И я готова. Я готова, да, пожалуйста, пожалуйста, я умоляю его об этом и понимаю, что вот сейчас, через секунду, может быть через три, и ему это нравится, могу поклясться, потому что его страсть еще растет, и на какое-то

крошечное, безумное мгновение я вдруг замираю от испуга, что существует нечто большее, чем это. Зажмурившись, я вся отдаюсь ощущениям, как будто в мире не существует ничего, кроме Финна и того, что он заставляет меня чувствовать. Рациональная мысль исчезает так же внезапно, как и появляется, и я кричу, а он двигается внутри меня, долбит, долбит, долбит, пока я не кончаю. Рукой он обхватывает мои ягодицы, чтобы прижать к себе, губы утыкаются мне в плечо, а его член так глубоко внутри меня, что я даже не думала, что могу чувствовать себя такой полной.

Финн содрогается, он напряжен и стонет в мою кожу. Я чувствую, как он дергается внутри меня, как стучит его сердце – или мое? – я уже не могу сказать ничего. Понятия не имею, где заканчивается он и начинаюсь я.

Не знаю, кто из нас больше устал. Финн сделал всю работу, это он двигался на мне и внутри меня, это он отталкивал и притягивал меня, как хотел, и все же я чувствую себя совершенно обессиленной. Ноги у меня налиты тяжестью, кости как будто резиновые. Кажется, я могла бы проспать несколько дней.

Вот именно поэтому я здесь. В какой-то момент Финн развязывает мои руки, потирая большим пальцем красные следы, оставшиеся от веревки.

– Они скоро пройдут, – говорит он, осматривая их, и в голосе его слышится оттенок сожаления. – Наверное, в течение часа.

Кивнув, я закрываю глаза, считаю до десяти, а затем встаю. Начинаю одеваться, чувствуя на себе его взгляд.

– Господи, Харлоу. Тебе не нужно убегать, – говорит он, голос у него хриплый и сонный.

Небо за окном уже глубокого синего цвета, солнце село. Оливера допоздна не будет дома.

Приподнявшись, он садится на краю кровати:

– Останься. Позволь мне… черт, не знаю… принять ванну вместе с тобой или… просто останься. Это было сильно. Разве это не было сильно?

Было. Это было так сильно, что я вдруг начинаю догадываться, что привело меня сюда. Собирая свои вещи, я уже не уверена, что Финн для меня всего лишь возможность убежать от проблем. Возможно, это новая и очень опасная страсть.

Глава 4

Финн

ЦВЕТ СВЕТОФОРА меняется, и я схожу с тротуара, переходя улицу в центре небольшой толпы. Прижав телефон к уху, я слушаю, как мой брат Колтон перечисляет целый список вещей, которые нам надо чинить или заменять, причем без большей части наши лодки просто не выйдут из доков.

– Ты уверен, что проводка повреждена? – спрашиваю я. Желудок у меня сжимается, и я чувствую, что нужно уточнить: – Ты точно знаешь, что это именно проводка? Вы проверяли панель предохранителей?

Я слышу, как он вздыхает, и представляю, как он снимает свою кепку и козырьком чешет макушку. Сегодня вторник, и он работал все выходные. Я уверен, что он совершенно без сил.

– Я лично проверил панель, когда Леви был в рубке со счетчиком. Мы заменили все сгоревшие предохранители, и все они взорвались к чертям, как только мы повернули рубильники.

– Черт.

– Не то слово.

– Тогда каков план? – спрашиваю я, отходя в тень, падающую от красного тента. Солнце в это время дня высоко, тротуары пустые, и почти нигде нет тени.

– Мне нужно заменить кучу проводов, понять, как подключить их к поврежденным линиям. Это может занять какое-то время.

– Боже, я должен быть сейчас дома, а не в долбаной Калифорнии.

Я прислоняюсь к стене кирпичного здания, пытаясь осознать, что все-таки происходит. Похоже на то, что в этом году одна неприятность следует сразу за другой, а еще надо прибавить к этому длинную череду лет, когда уловы были низкими, и убытки, и еще… Да, я сейчас в этой долбаной Калифорнии.

Но Колт не сдается.

– Стоп, – говорит он. – Мы тут справимся. А ты нужен нам там, чтобы продумать следующий шаг. Бывали у нас деньки и похуже. И мы через все это прошли ведь.

Я немного медлю, прежде чем задать тот вопрос, ответ на который боюсь услышать:

– Так как долго?

Он выдыхает, и я почти слышу, как он подсчитывает в уме.

– Мне нужно разобрать и снять панели, – решает он. – Значит, минимум пару дней.

Могло быть и получше. Хотя могло быть и гораздо хуже. Я прикидываю, сколько денег мы потеряем за это время, не выходя в открытое море.

– Вы осмотрели мотор? – спрашиваю я.

– Осмотрели номер один.

– И? Так же? Хуже?

Он колеблется.

– Немного хуже.

– Черт, сколько он протянет?

– В отчете говорится, что минимум шесть месяцев. Но то же самое говорили и полгода назад, Финн. И еще полгода назад. Там сейчас всего на два процента больше опилок в образце масла, чем было в последний раз. Я бы сказал: у нас есть минимум год. А потом мы закончим сезон, и все будет в порядке. Мы сможем это сделать.

– Правильно. – Я отрываюсь от стены, прохожу мимо нескольких магазинчиков, ресторанов и маленьких баров, и чем дальше я иду, тем больше народу становится на тротуарах. Солнце Сан-Диего палит немилосердно, и я чувствую, как его жар проникает через мою черную футболку, через плотную ткань джинсов. Колтон прав: бывали у нас дни и похуже. Нам не нужно нажимать красную кнопку прямо сейчас.

Но почему же я тогда здесь, черт возьми!

– Так что, ты все подготовил к встрече? – Я слышу в его голосе оттенок беспокойства.

– Так вроде бы ты сам говоришь, что не надо.

В трубке раздается его нервный смех:

– Финн, давай-ка подготовим запасные пути, о’кей?

– Я понимаю, Колтон. Я просто прикалываюсь над тобой.

Хотя на самом деле нет, не совсем. Я хочу, чтобы мой бизнес оставался таким, как он есть, и «вариант Л-А» не нужно было запускать.

– Когда ты едешь? – спрашивает он, как будто эта дата не горит красным у него в мозгу. Как у нас у всех.

– На следующей неделе. – Я снова прислоняюсь к стене дома, потирая лицо. – Зачем я уехал так рано? Я мог бы быть там, чинить все это дерьмо и…

Он стонет:

– Господи, да хватит уже волноваться! Проведи как следует время с Анселем и Оливером, повеселись. Ты вообще помнишь, как веселиться, Финн? И ради нашего общего блага, пожалуйста, расслабься, когда поедешь в Лос-Анджелес.

Я чуть не спотыкаюсь, когда он говорит это, потому что, господи Иисусе, пресс у меня все еще побаливает после сексуального марафона с Харлоу.

– Вся эта дрянь никуда не денется и будет ждать твоего возвращения. Ты понял? Повеселишься?

Справа от меня довольно ветхое кирпичное здание, и, проходя мимо, я невольно заглядываю в окна. В отражении вижу себя и оживленную улицу, но внезапно я резко останавливаюсь, потому что там, внутри, вижу, как за столом сидит, уставившись в ноут и нахмурившись, Харлоу.

Веселье, говоришь, думаю я.

ХОСТЕС на невысокой ступеньке улыбается, когда я вхожу внутрь. Она очень привлекательная в этом своем пинап-прикиде, и я думаю, она отлично смотрелась бы на капоте винтажного крутого автомобиля. Ее фиолетовые волосы коротко пострижены и заколоты маленькими заколочками по бокам, в губе пирсинг, в носу тоже, цветные татуировки украшают обе руки. Я с трудом удерживаюсь от того, чтобы снова не набрать Колтону – эта девушка определенно в его вкусе.

– Я вон туда, – говорю я ей с улыбкой и показываю на столик, за которым сидит Харлоу, все так же одна, все так же уставившись в экран и внимательно изучая что-то, прокручивая страницы время от времени и снова возвращаясь к прочитанному.

Хостес улыбается мне в ответ и приглашает пройти внутрь, дает мне меню и подмигивает, когда я отворачиваюсь. Внутри темно и освежающе прохладно. Октябрь в Ванкувере бывает уже холодным, а в Сан-Диего жара, как будто лето только начинается. Вечное лето. Неудивительно, что все тут такие расслабленные.

Гладкие черные кушетки и диванчики стоят вдоль стен и создают маленькие зоны отдыха в передней части ресторана, а длинные, добротные столы и стулья размещены в глубине. Вообще помещение больше напоминает клуб, чем место, где вам подадут пиццу.

Харлоу сидит за длинным деревянным столом в углу. Она сегодня в какой-то желтой юбке, сидит, вытянув загорелые ноги в коричневых босоножках на стул напротив. Волосы она убрала и зачесала в узел, который кажется одновременно очень небрежным и очень сложным. А когда я подхожу к столу, то неожиданно испытываю удовольствие от того, что вижу маленький засос у нее на плече.

– Привет, мисс Вега, – улыбаюсь я.

Она подпрыгивает при звуке моего голоса и поднимает глаза, ее улыбка исчезает, а на лице появляется выражение удивления и… возможно, поражения.

– Финн…

Я, не дожидаясь, пока она отодвинет свой компьютер, сажусь на стул напротив нее.

– Пожалуйста, – говорит она сухо. – Присаживайся.

– Знаешь, мне кажется, я прямо слышал, как твои глаза закатывались, когда ты это говорила, – усмехнулась я. – Это талант.

К столу подходит официантка, и я бросаю взгляд на стол и вижу, что перед Харлоу стоит только стакан холодного чая.

– Мне то же самое. – Я подмигиваю, замечая, что Харлоу смотрит на меня.

– Ты планируешь остаться?

– А почему нет? Тут по крайней мере прохладно.

Она хмыкает в ответ – шея ее вспыхивает, но она старательно делает вид, что между нами ничего не было, что это не ее я связывал и трахал три дня назад,

и снова смотрит на экран.

– Сколько у тебя есть времени? – спрашиваю я.

Она качает головой:

– Я никуда не тороплюсь.

Я изображаю, что смотрю на свои часы:

– Не хочу показаться грубым…

– Вот уж в это верится с трудом, – перебивает она меня.

– Но разве у тебя нет работы?

– Есть. – Харлоу смотрит больше на экран, чем на меня. Глаза у нее по-прежнему опущены, и маленький кулончик у нее на груди чуть колышется с каждым вздохом. Слишком легко сейчас вспомнить, как она выглядит, лежа на спине, когда на ней нет ничего, кроме этого кулончика и веревок на груди…

Хватит, Финн, сосредоточься.

– Тогда разве ты не должна быть в офисе? Или обедать с какими-нибудь коллегами?

Она медленно закрывает компьютер:

– Не сегодня.

– Почему?

Ее определенно все больше раздражают мои вопросы, и это, честно говоря, меня только больше раззадоривает.

Конец ознакомительного фрагмента.

notes

Сноски

1

«Кламато», или «Цезарь», или «Кровавый Цезарь» – канадский алкогольный коктейль, обычно содержащий водку и цезарный микс. Главное отличие от «Кровавой Мэри» – наличие моллюскового сока.

2

«Смиты» – сериал 2013 года.

Купить: https://tellnovel.com/kristina-loren/derzkie-zabavy

надано
Прочитайте цю книгу цілком, купивши повну легальну версію: Купити